

Алексей Янкин

*Путь домой
идет через
болото*

часть 3

Алексей Янкин

**Путь домой идет
через болото. Часть 3**

«Издательские решения»

2015

Янкин А. Е.

Путь домой идет через болото. Часть 3 / А. Е. Янкин —
«Издательские решения», 2015

Заключительная часть романа «Путь домой идет через болото». Исполнилась мечта. Ты поселился вдали от людей и наслаждаешься полной независимостью и свободой. Но судьба вновь желает испытать тебя, вырвав из ставшей привычной, идеально выстроенной тобой среды, и отправляет на поиск смысла жизни. Действительно ли ты был счастлив? Может, просто еще не нашёл того, что придаст твоей жизни смысл? Того, что сделает тебя поистине счастливым?

Содержание

Часть 3	6
Глава 1	6
143	6
Глава 2	10
144	11
145	12
146	14
Глава 3	16
147	16
148	19
149	20
Глава 4	21
150	21
Глава 5	24
151	24
152	25
153	26
Глава 6	29
154	29
155	30
156	32
157	33
Глава 7	36
158	36
159	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Путь домой идет через болото часть 3

Алексей Янкин

© Алексей Янкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть 3

Возвращение (как я провёл лето)

*Чем сильнее заблуждение
тем более торжествует истина.*

Ф. Шиллер

*Истинное назначение человека —
жить, а не существовать.*

Д. Лондон

Глава 1

143

Сознание вернулось вдруг. Очнулся, словно нырнул в холодную воду. Голова ужасно болит. Я лежу на земле лицом вниз. Левую щеку покалывают сухие травинки. Попытался подняться. Не могу. Только тут я понял, что мои руки крепко стянуты веревкой за спиной.

– Очухалси? – услышал спокойный голос позади себя. Потом, судя по шагам, человек стал обходить вокруг и я сразу все вспомнил.

Человек склонился надо мной и заглянул в лицо.

– Дайте пить. – прохрипел я, облизывая пересохшие губы.

Меня кто-то грубо приподнимает за плечи и усаживает. Человек с проседью в бороде опустил предо мной на корточки и внимательно принялся рассматривать. Затем без злобы, как то даже ласково спросил:

– Ты откель такой мохнатой то взялси?

Я действительно оброс сверх всякой меры. Из-за отсутствия ножниц и бритвы все последние годы я обрезал растительность на лице и голове ножом. И то лишь по мере необходимости, чтоб не лезла в глаза да не мешала в работе, не обращая внимание на текущую моду за полным отсутствием её ценителей на моем острове. Да и куртка со штанами из меха, хоть и добротнo слаженные, но далекие от совершенства кроя, не придавали мне изящества.

– Хочу пить. Дайте воды. – повторил я, лихорадочно соображая что ответить. Седобородый слабо улыбнулся одними уголками тонких губ и протянул руку в сторону. Тотчас же к нему подошел довольно молодой парень и передал круглую берестяную флягу. Мой собеседник извлек деревянную затычку и, приставив горлышко к моим губам, запрокинул доньшко вверх. Я стал жадно глотать теплую жидкость. Оказалось, что меня действительно мучила жажда. Тем временем остальные собрались за спиной старшего. Всего их пятеро. Вероятно, когда группа обнаружила издыхающего лося и сообразив, что по его следам скоро придут охотники, один из них спрятался за песчаным гребнем и сидел там на карауле, предупредив остальных о моем приближении. Когда я подошел к костру, он же подкрался сзади и, недолго думая, огрел чем-то по голове. Пока я пил, мои пленители обменивались мнениями.

– Я думал чо лесовик. Рогатину-то видали? Из кости! – высказал мнение тот, что нарезал ранее мясо, – Ан нет, вроде не из ихних будет. И одет чудно как-то.

Из этих слов я заключил, что они ждали появления некоего «лесовика» и это явно не сказочный персонаж, приятель «болотного» и муж «кикиморы». Скорее всего имелись в виду местные туземцы, постоянно обретавшиеся в тайге. Седобородый, убрав флягу, отрезал:

– Ну всё. Хватит. Лопнешь щё. Давай-ка, выкладывай, кто ты такой есть. Откель взялси здесь. Мы-то чай знаем, что тут на много верст окрест никто не бытует. Даже лесовики сюда не заходят. Боятся, черти. – последнюю фразу он сказал с какой-то полускрытой гордостью, словно это была его личная заслуга.

Понимая, что дальше с ответом тянуть не стоит, но пытаясь выгадать еще немного времени, что бы сообразить как себя следует вести с незнакомцами, я проворчал:

– Зачем по голове то было бить? Убили бы так вообще.

– Успется ыщо. – весело сверкнув глазами, хохотнул другой. Это он, кажется, жарил мясо. Седобородый же, терпеливо, закрывая пробкой флягу, разъяснил:

– Ты, парнейка, не бойси. Убивать до смерти мы тебя не собирамся. Но и разгуливать по своей землице не дадим. Ты лучше ка сказывай о себе. А то вон Силантий, – он кивнул на человека с незнакомым мне лицом, очевидно это он и огрел меня по голове, – Силантий-то быстро разговорит тя.

Стоявший поодаль Силантий, коренастый мужичок лет сорока – сорока пяти с довольно зверской, исполосованной страшными шрамами физиономией и наискось перевязанным сложенной в несколько слоев матерчатой полоской левым глазом, явно польщенный данной ему характеристикой, осклабился. Но молодой парень заступился:

– Да не пужайте его, братцы. Чо вы человека в ужас то вгоняте. Вон он, аж бел со страху. – очевидно вид у меня действительно был не ахти какой героический. Старший отмахнулся:

– Ты, Митрий, не лезь, как не просят, покуда старшие говорят. Пошарь-ка лучше его котомочку. – и вновь обратился ко мне, – А ты, паря, не серчай сильно на нас. Но и терпение наше пытать не стоит. Сказывай давай, кто да откель.

Поняв, что дальше тянуть действительно не стоит, пока эти, столь решительно настроенные граждане не прибегли к более убедительным доводам в пользу своих требований, я начал излагать историю, версия которой уже сложилась в голове:

– Я Никита. Никита Рогов, – воспользовался я, почему то, именем своего давнего приятеля-сокурсника. Что-то поостерегло меня называть свое настоящее имя.

– Но-но, – поощрил седобородый, – Давай дальшо. Откой ты, Никитушка, оказалси то здесь. Не живешь же ты в тайге. Хоть вид у тебя и чудной, но видно, что не баба ладила твою одёжку. Да и на юродивого не похож.

– Да, действительно, я сам её пошил. Прошлой осенью еще я с двумя товарищами приехал в тайгу на охоту. Хотел сохатого добыть, да в первый же день заблудился. Друзья же меня толи не стали искать, то ли искали да не нашли. В общем, остался в тайге один.

Все внимательно смотрели на меня. Было ясно, что они еще не решили, верить ли мне или нет. Лишь молодой Дмитрий проворчал: «какиж то товарищи». Но я отметил – услышав, что я один, люди с заметным облегчением переглянулись. Уже более спокойно я продолжал свою повесть, ибо дальше она частично базировалась на действительных моих злоключениях.

– Поскользнувшись на упавшем стволе, сломал ногу, – я задрал штанину и продемонстрировал сгрудившимся вокруг меня действительно ранее поломанную голень, на которой осталось несколько характерных шишек, – Поэтому выйти из тайги не смог. Пришлось зимовать. У меня, кроме ружья да двух десятков патронов, были спички, нож, недельный запас продуктов и соли в мешке, – перечислял я отчасти то, что действительно имел с собой сейчас, – Я построил чум из корья и в нем перезимовал. Охотился с ружьем, пока не кончились патроны...

– А де ружьишко то, – вскинулся молчавший до сих пор полноватый немолодой персонаж. – Ружьишко то де?

– Когда патроны кончились, я стал редко брать его с собой. А по весне чуть было в болоте не утонул. Еле выкарабкался. Там ружье и оставил. Да и сапоги в придачу.

– Ах ты, лихоманка тя дерит! – огорчился спрашивавший. Я понял, что сожалеет он не обо мне и уж тем более не о моих сапогах. Об утраченном ружье он сожалел.

– Да, жалко, – Седобородый помолчал немного, – Ну да ладно, продолжай.

– Ну так вот. Перезимовал я с грехом пополам. К счастью, когда еще были патроны, я подстрелил сохатого, да пару кабанчиков. Силки на зайцев ставил. Питался мясом до конца зимы. Из их шкур себе вот одежду пошил. Кость срослась. А затем, когда снег растаял и по тайге можно уже было пройти, я стал пробираться куда глаза глядят. Думал, рано или поздно выйду к людям.

– Ну вот и вышел. – вновь засмеялся веселый Дмитрий. Старший оборвал его смех сердитым кивком.

– А чо-ж тебя товарищи то твои не искали? Не по христиански как-то в лесу бросать свово.

– Да я, думаю, что и искали. Искали, да не нашли. Я и сам виноват. Когда заплутал, надо было остановиться и костер развести, веток туда еловых побольше. Дым бы и увидели. А так, думаю, они меня поискали, поискали да решили, что сгинул я в болоте либо еще где. Я ж сдуру так чесанул, что верст за десять, верно в сторону ушел, пока не опомнился. Спихватился, а поздно уже. Переночевал под елью. На другой день ногу и сломал. После этого дымарь, конечно, жег. Да что толку. Поздно.

– Ты мирской верно? – с презреньем бросил одноглазый Силантий. Он даже не спрашивал, а, скорее, констатировал факт, обвинял. Я, решив что «мирской», это что-то вроде «городского», утвердительно кивнул.

– То-то оно и видно! Мирски и в чистом поле друг дружку растерят. А чтоб еще и помочь один другому, так ни! – он зло сплюнул.

– Ну лады. – седобородый встал. – Таперича с нами пойдешь.

Я, сделав вид, что очень доволен этим его решением, кивнул. И осторожно спросил:

– А вы кто?

Лица у всех как то сразу заострились, взгляды стали подозрительными, цепкими. Наконец, спустя минуты две тягостного молчания, старший сказал:

– Мы люди, православны христиане. Живем в скиту и кормимся тем, что бог пошлет, – при упоминании имени божьего все присутствующие дружно перекрестились и я отметил, что крестятся они двумя пальцами. – Ты теперь тож будешь жить с нами. А там Старец решит, что с тобой делать. То ли в веру истинну обратишься, то ли... – и он неопределенно pokrutil ладонью приподнятой руки.

Как то меня этот выбор насторожил. Да и жест бороды не придавал оптимизма. Не для того я ушел из одних тисков, что бы попасть в другие, быть может более цепкие и бездушные. Но виду своим сомненьям постарался не показывать. Что бы скрыть замешательство, спросил:

– Я себя назвал. Как вас мне называть?

– Мы путники. Я, Архип, – он произнес это как «Орхып», – Это мои братья Силантий да Федор, – указал пальцем по очереди на одноглазого и другого, чуть постарше, что интересовался моим ружьем. Это он ранее сидел на бревне и нанизывал мясо на палочки. В слове «Федор» Архип сделал ударение на «о», а первая гласная прозвучала не как «ё», а как «е».

– Эти, сыновья мои, Митяй да Егорша. – веселому Дмитрию едва ли больше восемнадцати. Егор постарше лет на пять, высокий и худой. На ум мне пришло слово «долговязый». Он до сих пор не проронил ни слова. Глаза его умны, но несколько потухши и печальны. Казался он погруженным в какие-то свои, далекие от происходящего, думы.

После краткого знакомства по указанию Архипа мне развязали руки, но лишь затем, что бы тут же скрутить их спереди. Силантий, подняв с земли мою шапку из беличьих хвостов и

стряхнув её, нахлобучил мне на голову, предварительно с интересом покрутив в руках. Затем сунул в ладони ломоть настоящего черного хлеба и кусок варенной оленины, после чего обо мне на какое то время забыли. Пока я с удовольствием поглощал угощение, остальные занимались своими делами. Кто увязывал вещи, кто обрезал с туши лося наиболее лакомые куски мяса и, густо обернув их нарванной тут же крапивой, упаковывал в плетенные из тончайшего луба переметные сумы. Силантий, вырезав из лосиной шкуры большое, почти квадратное полотнище, счистил ножом жир с её внутренней стороны, после чего густо усыпал пеплом и, сложив пополам шерстью наружу, свернул в рулон и так же запихал в одну из сум.

Переметные сумы были очень практичным решением, однако так и не пришедшим мне в голову. Они состояли из двух довольно вместительных, плетенных из полосок луба сумок, соединенных двумя широкими лямками. Когда Федор первым надел на себя суму, я восхитился её гениальной простоте. Один мешок располагался на спине, другой на груди, уравновешивая друг друга, руки же при этом оставались совершенно свободны. Широкие ремни лежали на плечах и очевидно хорошо распределяли вес поклажи на них. Впрочем, я вскоре имел возможность убедиться в этом. Одну из переметных сум без излишнего стеснения взвалили на меня. Моим мнением даже не сочли нужным поинтересоваться. Просто Архип жестом предложил мне встать, а Силантий и Егор без единого слова вскинули суму мне на плечи, словно поклажу на спину верблюду. Я даже присел от неожиданной тяжести. Пожалуй килограмм тридцать. Впрочем и остальные были нагружены не меньше, в том числе и сам седобородый вожак. Полученное путниками на халяву мясо сохатого и его шкура сразу увеличили количество поклажи. Но тут как раз попался и бесплатный носильщик в моем лице.

Через полчаса мы, выстроившись цепочкой, двинулись в путь. Впереди Архип, за ним Федор, Дмитрий, Егор. За Егором я. За моей спиной раздраженно что-то бубнил себе под нос Силантий. Я подумал: «весьма неприятный тип». Идти под таким грузом с непривычки очень тяжело. Всё ждал, когда же мои невольные спутники остановятся на отдых. Но они, казалось, даже не думали об этом. Солнце в зените, а мы все движемся спокойным размеренным шагом. Двигаемся на север. Вскоре я втянулся в общий ритм и даже груз как будто перестал давить на плечи с такой силой. Мы шли то вдоль реки, то удаляясь от нее. Через непродолжительное время вновь выходили к ней. Я понимал, что мы срезаем петли, образованные вихляющим руслом реки. Это говорило о том, что путь моим конвоирам хорошо знаком, хотя признаков какой либо тропы заметно не было.

Часа через два я стал выбиваться из сил. Да и у моих спутников начали проявляться признаки утомления. Тихие разговоры, которые велись поначалу, смолкли. Дыхание становилось всё тяжелее и отрывистее. Наконец, когда солнце стояло уже в самом зените, Архип скомандовал привал. Все с облегчением снимали переметные сумы и с наслаждением растянулись на высоком берегу реки в жидкой тени нескольких отдельно стоящих сосен. Я так же, не без труда скинув груз, вытянул ноги и мгновенно отдался сну.

Меня растолкали. Я с ужасом подумал, что сейчас опять двинемся в путь. Однако это был долговязый Егор. Он сунул мне в руку флягу, а когда я напился, дал несколько кусочков холодной жареной лосятины. Уныло жуя, заметил, что и все прочие обедают без особого аппетита. Огня не разводили и ничего горячего не готовили. Обходились остатками завтрака. После трапезы все дружно задремали. Лишь Федор остался сидеть, видимо была его очередь нести караульную службу.

Глава 2

После краткой полуденной дремы все дружно, без сторонних напоминаний, поднялись, взвалили на плечи поклажу и двинулись дальше. Чувствовалось, что для этих людей такие походы не внове и у них давно сложился определенный порядок, соблюдаемый на уровне инстинкта. Руки мне вновь связали, но более свободно, так что они больше не затекали. Двигались неторопливо, нескорым, но размеренным шагом в среднем темпе. Обратил внимание на характер движения. Группа старается огибать неровности рельефа, без надобности не взбирается на бугры и не спускается в овраги. Никто не наступал на стволы поваленных деревьев и не перепрыгивал небольших ям. Самое ценное в тайге – твои ноги. Шаг настолько равномерен и естественен, что я, погружаясь в свои мысли, порой впадал в некий транс, словно спал на ходу. Монотонность движения лишь раз была нарушена мной, когда я спросил вслух, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Дайте кто попить.

На меня сразу было брошено несколько презрительных взглядов. Когда же я, считая, что моим спутникам попросту жалко воды, попытался воззвать к их совести, шедший на этот раз за мной Дмитрий вполголоса проговорил нравоучительным тоном:

– Никогда не пей в дороге. Сделаешь глоток – враз разморит и ты уж не ходок. Зачнешь воздух хватать. Отстанешь. А из-за тебя и товарищи время потеряют, – и чуть погода добавил, – Все равно та вода через сотню шагов у тебя на спине скажетси. Вот станем табором, тогда пей сколько влезит.

Только тут я понял, что эти люди, соизмеряясь со своим здравым смыслом, приобретенным вековым опытом, ничего не делают зря. Их образ жизни, все их поступки отточены до совершенства даже в мелочах. Как они непохожи своим спокойствием, уверенной неторопливостью на суетливых городских туристов или охотников. Даже привыкшие к экспедициям, полугодовальным отлучкам в «поле», просмоленные дымами тысяч костров лихие геологи не могли равняться с этими таежниками. Ибо были они здесь не гостями, не путешественниками, не исследователями, а коренными обитателями. Частью таёжного мира. Они существовали среди всего этого невероятного по богатству растительного и животного царства и другой жизни не ведали. Да и вряд ли хотели. Им не приходилось полагаться на то, что кто-то придет на помощь. Что где то их ждет другое, настоящее жильё со всеми удобствами. С приходящей неведома откуда по трубам водой и газом, электричеством и прочими благами цивилизации. Они не скинут в конце сезона просоленную потом одежду, чтобы облачиться в чистенькое, цивильное. Нет, они уже были дома и относились к окружающей тайге, как к своему подворью. И в этом они разительно похожи на меня. С той лишь разницей, что я не являюсь частью их жизни. И не хочу ею быть. Их община свободна от оков того общества, из которого пришел я, но, вместе с тем, она сама прообраз этого общества. Пусть миниатюрного, патриархального, первобытного, но общества. То есть той самой машины принуждения личности, от которой я бежал. И у них неоспоримо есть какие то свои, установленные не мной нормы и правила, которым я буду вынужден, а не захочу – заставят, подчиняться.

Эх, сейчас бы оказаться у себя дома, на скамеечке, у теплой от солнца рубленой стены. Рядом жмурится рысенок. Как он там сейчас? Говорил же мне разум, предупреждал – ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Я вспоминал теперь о своей, недавней еще вольной жизни как о райском чуде и тихо тосковал. И вновь моя судьба не в моих руках. Вновь я завишу от чьей-то чуждой воли. Опять я – лишь шахматная фигурка в чужой игре.

До вечера передохнули лишь раз, да и то очень кратко, не снимая поклажи. Я вдруг обнаружил, очередной раз вернувшись из своих грез к действительности, что мы идем уже не вдоль реки, а углубились в тайгу и пробираемся вдоль гребня невысокой гривы, видимо водораздела между бассейнами соседних таежных речушек. При этом постепенно, вслед за полуденным солнцем, сворачиваем к западу. Ближе к вечеру, еще засветло, вышли к краю широкой ровной низины. Внизу, почти под моими ногами, в наступавшем там уже легком сизоватом полумраке плотно толпились верхушки елей. Спускаемся по крутому, но не обрывистому склону вниз. На самом краю низины, у небольшого ручейка, маленькая рубленая избушка – зимовье. Как раз тогда, когда я уже думал, что не сделаю больше и ста шагов, упаду замертво от страшной усталости, наш караван остановился. Все с, казалось, не меньшим облегчением, чем и я, освободились от переметных сум и повалились на землю. Но не прошло и пяти минут, как утомленные люди поднялись и слаженно отправились каждый по своим делам. Кто за дровами, кто с котелками за водой к протекавшему в невысоких берегах ручью. Федор, расчистив место и дождавшись первой партии хвороста, развёл костер. Архип перебирал запасы, откладывая те, что пойдут на ужин. На меня, кажется, никто внимания не обращает. Мои связанные руки занемели не столько от стягивающих их пут, сколько от неизменного положения. Я их почти не чувствую и усиленно тру ладонями друг о друга, что бы восстановить кровотоечение. Наконец Архип, заметив это, молча подошел и аккуратно распутал веревку.

– Не вздумай удрать-ка. Сё равно догоним. А пока ступай к ручью. Помойся, оправься и приходи.

Я не стал просить себя дважды и соскочил с обрывчика, еле удержавшись на подгибающихся ногах. Вернувшись минут через десять, заметил, что никто не собирается спать в зимовье, хотя там виднелась сквозь распахнутую наружу дверь небольшая печурка. На мой недоуменный вопрос к Дмитрию, он словоохотливо ответил:

– Угорим там все. – и пояснил, – Когда печь долго не топлена, она становится угарной. Потому её надо разок стопить по холосту и лишь втору ночь ужо и спать. Да и тесно там вшестером будет.

– А чьё это зимовье?

– Так наша дальняя заимка и есть. Как снег ляжет, наши приходят и зиму промышлят живность всяку. В основном зайца, лису, песца, белку, барсука, куницу, колонка ловим. А как удача, то и оленя, и сохатого, и козла добудут. Бывают поросенка либо свинью дику, а то и самого секача возьмем. Волк, так и волком не побрезгуем. Иной раз рысь заходит. И её споймам. А Силантий, так тот что ни зима, одного – двух медведёв скрадет на лёжке. Мясо морозим, шкуры сушим, жир топим. Из скита люди раз в месяц приходят, забирают чо напромышлям.

– А шкурки куда деёте? – задал я коварный вопрос тем же тоном, что говорил парень. И Митрий тут же заглотил наживку.

– Меням на муку, на хлеб, патроны, соль, сахар, чай. Да на проче чо нужно, – начал было охотно перечислять Дмитрий, но Архип цыкнул на него и он разом замолк. Тем не менее, я отметил два обстоятельства – если они выменивают патроны, значит у них есть огнестрельное оружие. И второе – из самого факта обмена следовало то, что не такие уж эти люди и дикари и имеют связь, хоть и весьма краткую, с внешним миром. Следует, когда седобородого не будет рядом, хорошенько попытать парня. Похоже он скучает без общения со свежим человеком и разговорить его большого труда не составит.

Пужинав, все дружно принялись обустроиваться к ночлегу. Однако я заметил, что седобородый предварительно назначил дежурных на ночь. Первым выпало караулить Егору и Архип ему серьезно что то выговаривал. Я лишь слышал, как тот требовал, чтоб сын не взду-

мал сомкнуть глаз, «а не как в прошлом разу». Егор слабо оправдывался. Мне показалось и остальные несколько встревожены. А когда из зимовья Силантий вынес и раздал всем небольшие, не длиннее человеческого роста, но крепкие копыя с металлическими наконечниками, я понял, что эти люди действительно чего-то опасаются. И явно не моего возможного побега. Я обратился к Архипу, поинтересовавшись, что нам здесь, на их землях, может угрожать. Он хмуро озираясь по сторонам, ответил:

– Эти места называют Медвежьей падью. Тут много зверья всякого. Богаты места. И медведь-дедушко есть. Токмо он об эту пору на человека не пойдёт. Труслив. Да и еды хватат помимо нас. Но нонче по осени объявились пришлые волки. Стая в десяток шкур. Вот те лютуют. Первым делом всех местных своих поизвели. До единого. А в начале весны погрызли нашего охотника, что капканы проверял. Ели отбили. – после непродолжительного молчанья, покачивая головой, добавил, – Токмо одно, преставился мужичок. Хороший охотник однако был, Николка хромоногий, царствие ему небесно, – Архип перекрестился, – Ужо как они его изорвали, смотреть страшно было. – и резко переключился, сделав обобщение сказанному: – Так что не советуя те отходить от табору в сторону.

Я, признаться, напуганный не столько словами старшего, сколько всем поведением этих, не робкого десятка людей, их нескрываемой настороженностью, постарался разместиться поближе к костру. Заметив, между прочим, при этом пару лукавых взглядов на себе. Даже подумалось, что все это лишь что б подшутить надо мной. Но нет. Обеспокоенность спутников вполне очевидна, да и копыя говорят о многом. Ведь до этого они шли совершенно безоружны, если не считать ножей на поясах да пары топоров, притороченных сзади к сумам. Видимо посчитав меня достаточно предупрежденным, мне на ночь даже не стали вязать рук. Дневная усталость взяла свое и, едва коснувшись головой подстилки, я тут же провалился в сон. Растолкали меня еще затемно. На костре булькает пара закопченных котелков. Позавтракав и испив чайку (настоящего!) мы вышли в дорогу. Шли часа два и в заметно более быстром темпе, чем накануне. Путники держались если и не настороженно, то вполне серьезно, неся копыя наперевес. Я отметил, что ни одного ружья в группе нет и удивился, каким образом они зимой охотятся здесь. Допустим на мелочь ставят силки и ловушки, как поступал и я сам. Но медведи и волки? Впрочем, учитывая слова Дмитрия о патронах, ружья, очевидно, все же есть. Только в дефиците, не зря Федор так заинтересовался бывшим у меня якобы ружьем. Эх, посмотреть бы на патроны, сразу стало бы ясно сколько и какие у них стволы.

145

Небо затянуло набежавшими вдруг тучами и левее, совсем невдалеке, засверкали всполохи молний, загрохотали громовые раскаты. Иной раз я непроизвольно вжимаю голову, так как впечатление такое, словно молния бьет прямо в тебя. Но дождя вслед грозе так и не последовало. Через полчаса тучи разогнало. Гром какое-то время еще погромыхивал, но все дальше и дальше от нас, пока вообще не затих вдали. Небо стало чистым. Напуганное было солнце со смущенной усмешкой поглядывало сверху.

Постоянное напряженное внимание спутников передавалось и мне. После недолгого привала пошли дальше. Понятно, что Архип хочет засветло пересечь низину. Тревожного ощущения добавляла и окружающая природа – массивные ели раскидывались вширь лохматыми подолами, полностью перекрывая видимость уже в десяти шагах. Казалось, что под каждой распластанной вдоль земли еловой лапой прячется дикий клыкастый зверь, который только и ждет момента, что бы бросится на тебя. Именно только на тебя, выхватив из общего строя. То и дело путь преграждают ручейки с низкими топкими берегами либо сплошные завалы падших деревьев. Наконец мы вышли на небольшую полянку на несколько возвышенном месте и устроили привал. Все расселись на земле, один Силантий остался стоять. Он по-прежнему

внимательно всматривается в чашу, изредка протяжно втягивая носом воздух. Несмотря на свой немолодой возраст это был человек недюжинной силы, что выказывалось в каждом его движении, неторопливом, уверенном, полным скрытого достоинства. К нему подошел Архип и они о чем то мрачно принялись беседовать. Седобородый так же стал приноживаться, совершенно как животное, спешно и настороженно. Вслед за ними поднялись и остальные. Из беглых фраз, которыми перебрасывались мои спутники, я понял, что они учуяли запах гари. Я так же встал. Да, определенно тянет дымком. Я поначалу подумал, что путники обеспокоены тем, что в их владения проникли чужаки, но тут же Архип развеял эту гипотезу. Он бросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Тайга горит. Быстрее.

Все мигом повскидывали поклажу и вслед за старшим быстрым шагом направились в сторону от первоначального направления пути, держась по ветру. Вскоре запах горящего дерева стал настолько отчетлив, что уже не оставалось никакого сомнения в том, что где то совсем близко бушует огромное пламя. «Верхами идет» ни к кому не обращаясь бросил Федор. А еще минут через пятнадцать со спины потянуло белым дымом. Мы уже бежим. Дым становится все гуще и ядовитее. Я не понимаю куда мы несемся. Сизые удушливые клубы заволакивают небо и закрывают солнце. Мне кажется, что отчетливо слышен треск скачущего совсем рядом по нашим следам огня. Я не знаю, может ли быть что-либо страшнее и неотвратимее таежного пожара, перекинувшегося в кроны деревьев. Когда у тебя не остается никакой надежды на спасенье и ты отчетливо понимаешь, вот сейчас, еще через несколько минут, ты погибнешь. И смерть примешь ужасную и мучительную. И от тебя ничего не зависит. Ты не можешь даже попытаться противостоять огню, как противостоял бы напавшему зверю или уносящему тебя потоку воды. Ты не сможешь убежать от него, потому что некуда. И потому что несется он, подгоняемый ветром, со скоростью летящей птицы. Везде, везде вокруг его пища и он с жадностью поглощает её, обгоняя тебя то справа, то слева. Перекрывает тебе один путь, другой. Играя с тобой, насмехаясь над твоими жалкими потугами. Он то знает, что ты никуда от него не денешься. И твоя воля слабеет, решимость с каждой минутой тает, словно кусочек льда в горячей воде. Хочется просто лечь и покорно принять судьбу.

Тем не менее Архип упорно держится выбранного направления и его спокойствие придаёт уверенности другим, не давая охватить наши души панике. А раскаленный ветер крепчает. Он завивает над головами тучи черного дыма. Слева проблескивают языки пламени. И когда я уже окончательно прощаюсь с жизнью, мы выскакиваем на берег неглубокой, судя по бурлящей поверх камней воде, но весьма широкой реки.

Теперь стало понятно, куда с таким упорством вел нас седобородый. Все, не дожидаясь команды, бросаются в воду. Другой берег тоже заволакивает дымом. Не дойдя и середины реки, я теряю его из вида. Благо стремительное течение, бьющееся буруном о мою левую ногу, не дает сбиться с пути. Я давно уже не вижу своих спутников, только сквозь треск иногда слышится их надсадный кашель, но и он вскоре теряется среди гула злобно бушующего пламени. Задыхаюсь. Из легких выходит дым. Меня начинает рвать, что приносит некоторое облегчение. Огонь остался на том берегу! Ему не под силу перескочить ту сотню – полторы метров, что вдруг встала пред ним. Вот он, единственный враг, которого ему не победить. Архип знал это и вел нас к реке, понимая, что она – наш единственный шанс на жизнь.

Мне кажется, что я бреду по колено в воде целую вечность. Запинаюсь о крупные камни, оскальзываюсь на мелких, падаю на четвереньки и вновь поднимаясь. Целую чёртову вечность! Мысли ускользают. В голове калейдоскопом крутятся яркие красочные картинки. То ли воспоминания, то ли грёзы отравленного мозга. Момент, когда я наконец с разбегу налетаю коленями на полуметровый береговой обрывчик и как подкошенный падаю на траву, нечётко. Словно всё происходит в вате. Долго лежу, кашляя и стараясь собраться с мыслями. Здесь, внизу, у

земли, дышится легче. Снова начинает тошнить. Поднимаюсь на четвереньки. В желудке уже ничего нет. В голове понемногу проясняется.

Облака дыма заволакивают окрестности. Перекинется ли пламя на эту сторону? Надо уходить. Но куда? Идти вглубь тайги подальше от воды? Да нет, от воды в любом случае отходить не стоит. Никого из моих спутников ни видно и ни слышно. Я вспрял духом. Жив. А не воспользоваться ли случаем? Им сейчас, по крайней мере тем, кто выжил, явно не до меня. Поклажу решаю пока не бросать. Наверное там найдется что либо полезное для меня. Да для меня теперь любой клочок веревки будет полезен. Поднявшись, повернул направо и потащился по берегу. Шагов через пятьсот дым порядком редет и я решаю отступить в сторону от реки, так как по берегу меня ничего не стоило нагнать. Шаг уже крепок, колени больше не подгибаются. Я примерно знаю направление, в котором стоит искать реку, ведущую в мои земли, и направляюсь туда. Временами останавливаюсь и прислушиваюсь. Нет, погони не слышно. Я не решаюсь отдыхать несколько часов кряду, пока не посчитал, что ушел и от таежного пожара и от возможной погони достаточно далеко. Уверен, что моим спутникам не до меня. Передохнув, шагаю вперед уже более решительно и открыто. Надо выбраться к ночи из этой негостеприимной Медвежьей пади. Налетел скоротечный ливень, вмиг прибивший остатки дыма. В наступающих сумерках добираюсь до склона и, поднявшись по нему, оглядываю сверху всю котловину. Ни одного проблеска огня! Очевидно пожар, натолкнувшись на реку, затух сам собою. Ливень же загасил угли. Но весь лес внизу словно накрыт непроницаемой пеленой, которая делала черноту уже наступившей там ночи еще более мрачной. Запах гари пропитывал все, даже здесь, вдали от пожарища. Постояв с минуту и поразмышляв о судьбе своих невольных товарищей, повернулся спиной к пади и углубился метров на пятьсот в сосновый лес, что бы мой костер невозможно было заметить снизу.

146

Разведя небольшой огонек, совершенно обессиленный и физически и морально, падаю на землю и, тяжело дыша, долго лежу так. Не хочется даже рукой шевельнуть, не то чтобы заняться обустройством ночлега. Все ж, минут через десять сажусь и, пользуясь тем, что мрак здесь еще не окутал окрестности полностью, решаю посмотреть, что находится в доставшихся мне сумках. Одна плотно набита в основном пакетами с мукой и солью. Лишь на самом дне обнаружили два небольших мешочка с гречневой крупой. Несмотря на заботливо накинутый поверх содержимого лубяной полог буквально всё в суме вымокло. Мука раскисла в кисель, соль почти полностью растворилась и пакеты с ними пришлось отбросить в сторону. Только гречку, подсушив, можно будет использовать. Я аккуратно расположил мешочки с ней недалеко от костерка. Надо бы встать да повесить их на ветку повыше, да не могу себя заставить подняться. При одной мысли об этом ноги начинают подрагивать.

В другой суме – пара упаковок плиточного чая, мешочек с солью, три круглых буханки хлеба, две бумажных упаковки со спичками (коробков с десятков в каждой), фляга с водой, два свернутых вместе тряпочкой ножа. Поверх всего этого, под размочаленной лубяной накидочкой – завернутый в тряпицу неплохой кусок солонины. Так как эта сума находилась у меня за спиной, то её содержимое практически не пострадало. Довольный находкой и не испытывая никаких угрызений совести отламываю здоровенный ломоть хлеба и откусывая то от него, то от шмата солонины, с наслаждением поужинал, запивая водой из фляги. Рассмотрев один из ножей, не притязательный на вид, но весьма добротный, я, посчитав его законной своей добычей взамен отобранного у меня, засовываю за пазуху. Второй завернул в ту же тряпицу и положил обратно.

Взглянул на мирно пощелкивающий огонек костерка. Неужели это тот же самый огонь, от бешеного натиска которого мы не надеялись уже спастись всего несколько часов тому назад?

Растянувшись прямо на траве у мерцающего огонька, решаю, что завтра надо бы выйти пораньше. Уже не сомневаюсь, что погони не будет. Не до того им сейчас. Скорее всего они вообще решили, что пленник сгинул в пламени таёжного пожара. Мне сейчас важнее выйти к своей реке. А уж по ней-то я найду свою лодку. А там уже почти и дома. С этими успокаивающими мыслями я засыпаю.

Глава 3

147

Проснулся свежим и отдохнувшим. К моему удивлению костерок все еще весело потрескивал. Я приподнялся. Напротив, по ту сторону костра, на поваленном сосновом стволе сидит Силантий. Он с видимым удовольствием поедает кусок оставшегося от моей трапезы хлеба. На коленях лежит копье, которое без угрозы, но как-то так, что бы я сразу уяснил положение дел, несколько развернуто длинным узким металлическим наконечником в мою сторону. Смотрел Силантий на меня добродушно и без всякой злобы.

– Ну как? Набегалсити? Устал? – спросил он участливо.

– Да. – хмуро проворчал я, еще не избавившись окончательно ото сна.

– Ладноть, сбирайся да пойдём помалеху. – одноглазый принялся затапывать кострище. Тем временем я собирал сумы. Что делать? Напасть на него? Да вряд ли смогу его одолеть. Он явно посильнее будет. Видно, что человек этот не голодал и ел минувшие зимы всласть, ни в чем себе не отказывая. У него копье. Да и настороже он постоянно. Силантий исподтишка косит на меня единственным глазом, явно отдавая себе отчет, что в этот самый момент я решаю, как поступить и ждал окончания моих размышлений, готовый ко всякому развитию событий. Когда же он понял, что его пленник смирился с ситуацией, добродушно сообщил:

– Я ж эти места как свою длань. – он раскрыл в мою сторону основательную ладонь, – Как снашли на бережку следы твои, сообразили: намерился Никитка наш торить свою дорожку, порознь от нашей. Обратнo, стало быть, к болотам своим подалси. Токмо дурачина ты, брат. Тайга то больша, да троп в ней наперечет. Хошь не хошь, а пройдёшь то по одному, то по другому закутку. Вот я, поразмыслив, и исчислил где тебя ждать следоват и прямком туда. Лишь малёхо запоздал. Да ты, брат, своим же костерком и сподмог. И что ты головой своей дурьей удумал? Всё едино – пропадешь один. – Он покачал головой, словно говорил с малым неразумным дитём.

Силантий явно был доволен и собой, и моим, таким предсказуемым, поведением. Вместе с тем мой побег, похоже, изменил к лучшему его мнение обо мне. Видимо он пришел к выводу, что ошибался на мой счет и я не такой уж и слизняк. Силантий даже не стал связывать мне рук, понимая, что воля пленника в настоящий момент сломлена. Да и с грузом на плечах, имея за спиной вооруженного сопровождающего, пытаться бежать или напасть на него было бы безрассудством.

Первым делом спустились вниз, к ручью, что б утолить жажду, в чем оба нуждались. Затем двинулись вперед, держась берега. Подошли к реке и переправились через неё. Вскоре опять вошли в ельник. И опять этот лесной житель стал проявлять признаки крайней осторожности. Нет, он не был напуган или растерян, просто он знал о реальности грозившей нам опасности.

– Ты, братец, не отставай шибко. Держись меня.

Продвигались быстрым порядком. Миновали краем свежую, еще дымящуюся местами, гарь. Пожар, оказалось, затронул не такую уж большую площадь и сам собой вскоре затих, так как деревья и кусты полны соков. Да и прошедший краткий, но обильный ливень помог. Силантий, глядя на то, что натворил огонь в их владениях, огорченно качал головой и цокал языком. За гарью, войдя в нетронутый лес, чуть передохнув, двинулись дальше. Шли больше часа. Уже в просветах меж елей временами промелькивал противоположный склон низины, до которого оставалось никак не больше километра. Выскочив к небольшому озерцу с болотистыми берегами, мы вынуждены были отклониться к северу, обходя топь краем. Силантий то

и дело останавливался и, зыркнув на меня глазом, что б я не шумел, к чему-то внимательно прислушивался. наших спутников не видно. Я решил, что ему одному поручили эту миссию. Прочие, очевидно, дожидаться не стали и пошли дальше без нас, понадеявшись на известную им сноровку одноглазого.

Вот уже явно виден гораздо более отлогий, чем тот, по которому мы спускались утром, подъем. Я вздохнул свободнее, заметив, что и Силантий как то расслабился. Мы шли вдоль опушки густого ельника по неширокой, продолговатой, похожей на просеку поляне. Высокая трава шуршит о колени. Становится жарко. Случайно бросив взгляд в сторону деревьев, я сдавленно вскрикнул и замер. Силантий мгновенно вскинул голову и так же встал, словно налетел на невидимую преграду. Несколько впереди нас, по левую руку, не далее как метрах в десяти, под спутавшимися еловыми ветвями стоят четыре здоровенных матерых волка. Это были поистине огромные звери. Я их даже не сразу заметил, настолько они стояли тихо и спокойно, почти сливаясь с окружающей растительностью.

Самый крупный из них, увидав, что стая обнаружена, злобно ощерился и грозно задышал. Остальные трое продолжали стоять с безразличными мордами, один даже присел и отвернулся со скукой в сторону. Они словно не решили еще, напасть на нас либо предоставить всем идти своей дорогой. Их явно смущало, что нас двое. Мой спутник, стараясь не смотреть прямо в глаза вожаку, тихо пробормотал:

– Спиной не вертайси. Помалеху отходим.

Мы стали по полшажка смещаться боком вправо. Но вожак, очевидно приняв наконец решение, с громким рыком бросился на нас. За ним так же стремительно кинулся второй. Два других медленно семенили позади, расходясь в стороны, выбирая позицию и момент для удачного прыжка. Силантий, отскочив в последний момент с линии атаки вожака, встретил его ударом копы в бок. Тот завертелся юлой, силясь ухватить зубами торчавшее меж ребер древко. Второй волк впился зубами в ногу жертвы. Силантий, выпустив из рук копы, вырвал из ножен на поясе клинок, принялся бить зверя куда придется. В тот же миг третий волк схватил его за руку, державшую нож. Звери старались завалить человека наземь, что бы добраться до горла. Их четвертый товарищ, очевидно самый робкий, нерешительно топтался в сторонке. Почему звери выбрали для нападения одного из нас и проигнорировали другого, для меня по сей день остается загадкой. Сунув руку за пазуху я казалось вечность не мог извлечь оттуда нож, о существовании которого Силантий, к своему счастью, не подозревал. Наконец, сбросив взмахом с клинка обертывающую его тряпицу, бросаюсь на помощь. По каким соображениям я сделал это, а не пустился наутек, судить не берусь. Другого мне просто тогда и в голову не пришло.

Стоявший в нерешительности до того волк прыгнул мне навстречу, вцепившись в висевшую спереди суму. Пока он разобрался что это не мое тело, я успел довольно ловко всадить правой рукой клинок ножа ему под основание левой лапы. Вырвав, всадил еще раз, другой, третий. Раз или два нож соскальзывал по ребрам, но один из ударов очевидно достиг сердца зверя. Тот разом обмяк и осел, все еще удерживаясь зубами за суму. Я откинул его толчком ноги. Вся схватка продлилась буквально секунды. Упав на траву, зверь больше не подавал признаков жизни. Я кинулся к бешено крутящемуся с многоголосым рыком метрах в пяти от меня клубку, вскинув вверх руку с ножом. Но тут на глаза попало окровавленное копы, лежавшее рядом с телом застывшего вожака. Очевидно он в предсмертных судорогах сумел таки вырвать его из своей груди. Отбросив нож, хватаю копы и с диким ревом втыкаю его в первое попавшееся, оказавшееся сверху серое тело. Копы вошло прямо в горло волка. Он жалобно взвыл и отпустил жертву. Я выдернул копы и вновь замахнулся им. Но волк не стал дожидаться повторного удара и, издавая жалобные вопли, скачками скрылся в чаще.

Другой зверь, не сразу поняв, что положение их стаи изменилось и он остался один против двоих врагов, продолжал терзать ногу Силантия, почти превратив его сапог в клочья. Тот

же, почувствовав что руки его свободны и вспряв духом, так как еще мгновение назад положение его было практически безнадежным и он это отчетливо осознавал, стараясь лишь продать свою жизнь подороже, схватил ярко-красными от крови, своей и волчьей, руками противника за горло. Даже в израненных руках сохранялся изрядный запас сил и зверь, понимая, что проигрывает схватку, разжав зубы, стал пытаться вырваться из смертельных объятий, норовя резануть клыком противника по запястью, рвя и без того искромсанную плоть. Я, находясь в каком-то неестественно спокойном состоянии, несколько раз подряд ткнул наконечником копыя, со стекающей с него кровью, тело животного, выбирая наиболее убойные, на мой взгляд, места. Зверь затих, придавив своей тушей Силантия. Тот так и лежал, держась руками за горло трупа, отвалившись на спину и тяжело дыша. Положив копые, я присел и не без труда стал отрывать руки раненого от волчьей глотки, уговаривая его успокоиться. Силантий сначала не понимал, чего я хочу от него, затем опустил мутный взгляд вниз и, не без усилия, разжал свои пальцы. Приподняв подрагивающую голову, забрызганную каплями крови, и слегка приподнявшись сам, оглядел место побоища и слабым голосом просипел:

– Эх, шкурки бы снять, – после чего без сил упал навзничь.

Я думал, что он потерял сознание. Сняв с себя закрутившиеся вокруг тела, изодранные спереди клыками перемётные сумы, вытряхнул их содержимое прямо на измятую, в багровых пятнах траву. Отложил в сторону флягу и, найдя всё тряпье, какое там имелось, нарвал его полосами. Первым делом разрезал ножом оба рукава куртки и штанину, сняв с раненого правый сапог, обмыл раны водой, стараясь не попадать на открытую плоть. Раны на ноге и на правом предплечье страшные. Рваные. В нескольких местах виднелась обнажившаяся кость. Куски плоти пришлось вправлять на место пальцами. Чтобы в ранах не осталось заразной волчьей слюны, я, слегка нажимал на края пальцами, сцеживая кровь. После чего стягивал края раны, прикрывал её тампон из тряпицы почище, прокладывая горстью найденного тут же у подножия сосны мха, и заматывал лоскутами ткани. Каким то чудом волчьи клыки не перерезали ни одной крупной артерии ни на руках, ни на ноге одноглазого. Только потому он еще не истек кровью. Когда я уже заканчивал обработку ран несчастного, заметил, что он, приоткрыв глаза, пристально наблюдает за моими действиями. Увидев, что я смотрю на него, Силантий просипел:

– Спасибо... – и слабо коснулся моего локтя левой, менее поврежденной рукой.

Я похлопал его по здоровому плечу, затем нашел флягу и приложил горлышко к бледным губам Силантия. Прежде чем пить, он спросил:

– На животе ран нет? – и лишь убедившись в этом, принялся с жадностью, временами захлебываясь, поглощать живительную влагу. Напив раненого и подложив ему под голову пустую флягу, я стал собирать разбросанные пожитки, размышляя, что делать дальше. Ждать помощи? От кого? Придет ли она? Какие обычаи у этих людей? Однозначно бросать его в таком состоянии нельзя. Тогда я решил выволочь его из этой низины, а там – посмотрим. Не хотелось вновь попадать в плен, но и оставить человека на верную смерть я не мог.

Сложив вещи кучей, взвалил Силантия на спину и поволок вверх по склону. Благо уклон невелик и я, с несколькими остановками, затащил раненого на самый верх, где выбрав место почище, положил наземь. Он даже не пошевелился. Не умер ли? Да нет, дышит. Пыхтя, вернулся вниз за вещами. Пока ходил, немного передохнул. Соорудил из двух срезанных стволов молодых березок волокуши и, разместив на них Силантия, поволок в сторону от Медвежьей пади. Я даже не знал куда иду. Лишь бы подальше от страшного места. Ближайшая задача – выйти к какому либо водоему. Через каждые пару сотен шагов останавливаюсь и отдыхаю, так как кроме волокуши тащу на себе переметную суму и копые. Наконец, уже к вечеру, вышел к берегу неширокой лесной речушки, текущей среди боров. Наш берег высокий, сухой. Найдя подходящее место, устроил раненого, развел костер, сходил за водой, наполнил обе фляги.

Затем искупался сам, так как моё тело давно в этом нуждалось. Смыл с себя и с одежды покрывавшие нас багровые пятна.

Когда я вернулся к костру, Силантий по-прежнему был без сознания и лежал в том самом положении, в каком я оставил его. Немного перекусив из имевшегося скудного запаса, который решил максимально экономить, я сидел у костра, шуруруя прутиком угольки, и размышлял. Самым верным будет остаться здесь на несколько дней, выжидая дальнейшего развития событий. Дай бог – раненый пойдет на поправку. Тогда, дождавшись, когда он сможет передвигаться, с чистым сердцем я смогу оставить его. Он знает эти места и не заблудится. Судя по всему до их поселка не так далеко. Сужу по тем словам, что слышал, когда группа шла еще в полном составе. Они говорили в том роде, что последнее препятствие перед домом, та злополучная низина. За ней лишь надо миновать некое Ежовое Урочище и вот он, милый дом. Всего лишь день пути налегке. Ну а коль помрёт, так хоть схороню по человечески. Подкинув в костер полешек потолще и укрыв Силантия нарубленными сосновыми ветками улегся спать сам.

148

Утром Силантий по-прежнему находился без сознания. Прислушавшись к ровному дыханию, решил что скорее всего он попросту спит. Спустился к реке напиться и умыться. Когда вернулся, раненый что-то мычал во сне, временами принимаясь стонать. Я прошелся вдоль берега. Нарвал букетик ромашек, а так же прихватил с десятка листьев лопуха, обламывая их вместе с толстенькими черешками. Вскипятил в котелке воду, бросил туда всю ромашку. Подержал немного на огне. Снял котелок, кинул туда же листья лопуха, оборвав предварительно черешки. Выждал пока вода не остынет до приемлемой температуры.

Тем временем разбинтовал раны одноглазого, смачивая теплой водой присохшие тряпицы и осторожно срывая их. Раны еще местами кровоточат, но уже начинают затягиваться и подсыхать, покрываясь корочкой запекшейся крови. Промыл их полученным отваром. Из свежих черешков лопуха выдавливаю капельки сока прямо на раны. Затем, прикладывая заваренные листья лопуха, вновь забинтовываю, подбирая более менее чистые места на тряпицах. К вечеру Силантий первый раз очнулся. Разговор давался ему тяжело, очевидно оказалось повреждено горло, хотя внешних признаков тому нет. Я стал его, как маленького ребенка кормить, размакивая в воде кусочки хлеба и один за другим просовывая сквозь иссохшие губы, пока он не замычал, давая понять, что сыт.

Затем Силантий вновь заснул, а я сидел у костра в надвигающихся сумерках и размышлял о всем произошедшем со мной за несколько последних дней.

Следующий день бродил невдалеке от нашего стана, стараясь представить себе, где нахожусь и высчитывая в каком направлении мой дом. Местность здесь более возвышена, испещрена невысокими холмами и распадками между ними, по некоторым из которых текут небольшие ручейки. Куда не посмотришь, заметны выходы скальных пород. Кое-где голыми каменистыми вершинами торчат утесы. Ручьи и бегущая рядом речка имеют вполне отчетливый перепад высот, благодаря чему течение довольно бурно и имеет скорее предгорный, нежели равнинный характер. Вода с шумом скачет по устланному галькой и булыжником ложу. Местами, выскочив на небольшую равнину, речушка разливается мелким озерцом, но лишь затем, что бы через сотню – другую шагов низвергнуться вниз крошечным водопадом либо устремиться по наклонному руслу бурливыми перекатами, пенясь над вылизанными за века камнями, обтекая боками валуны побольше, отскакивая прочь от скалистых берегов. Хрустальная вода холодна и приятна на вкус. Окружающая местность настолько отлична от той, к которой я привык, что нет никакого сомнения в том, что мы вышли за пределы одной из величайших равнин планеты, раскинувшейся болотами и таежными лесами на тысячи километров

к востоку, и находимся уже в предверии горной страны. Кстати комаров заметно меньше, а мошка исчезла вовсе. Где-то на западе, в одном – двух днях пути, покажутся первые горные кряжи, являющие не только рубеж низменности, но и разграничивающие два великих континента, объединенных единым материком.

К вечеру возвращаюсь обратно. Силантию заметно лучше, он устроился поудобнее, подсунув под голову котомку. Костер горит небольшим ровным уютным огоньком. Когда раненый увидел меня, взгляд его смягчился.

– А-а. Ты, друг Никита... – он замялся. Я махнул рукой:

– Давай-ка перекусим. – после чего стал отрезать ножом небольшие кусочки солонины, отрывать ломтики хлеба и запихивать ему по очереди все это в рот. Видно было, что Силантию с трудом дается даже пережёвывание пищи. Лишь однажды я поймал взгляд раненого, мельком брошенный на нож в моей руке. Несколько небольших кусочку того и другого, не удержавшись, сунул в рот и себе. Заметив это, Силантий понимающе спросил:

– Что, мало припасу?

Я кивнул. Тогда он решительно, насколько это позволял его еле слышный голос, заявил:

– Хватит мне.

– Не дури, Силантий, тебе надо окрепнуть, а то обоим худо будет.

Но Силантий упрямо качнул в бок головой:

– Хватит, хватит... Сыт... Да и почти оклемался... Завтра, послезавтра стану на ноги...

И пойдем помаленьку. – после каждой фразы он делал перерыв в несколько секунд, собираясь с силами. А последнюю произнес полуютвердительно, полувопросительно, внимательно взглянув мне в глаза. Теперь я качнул головой и уклончиво ответил:

– Ну ни завтра, ни послезавтра ты, предположим, не встанешь. Дня три тебе как минимум надо полежать. А там и решим.

Силантий, соглашаясь, прикрыл глаз и утомленный разговором растянулся на хвойной подстилке. Через минуту он уже спал.

149

К утру Силантия стал бить озноб. Его раны посинели, а руки и ноги отекали. Покрытый крупными каплями пота лоб холоден. Несчастный метался из стороны в сторону, с кем-то споря в бреду. Что он говорил, разобрать невозможно. Речь быстра, отрывиста и невнятна. Я стал опасаться, что у него начинается заражение крови. Может даже гангрена. Вновь промыл отваром ромашки все раны. Растер в кашицу проваренные листья лопуха и нанес на больные места. Несмотря на то, что края ран покраснели и припухли, к счастью ни отмерших, ни гниющих участков плоти заметно не было. Вновь замотал раны простиранными и высушенными тряпицами. Два дня Силантий не приходил в себя. На третий ему стало немного лучше. Он даже очнулся и я, почти насильно, покормил его. Мне показалось, что одноглазый не узнаёт меня. После еды он впал в какую-то прострацию – смотрел не моргающим остекленевшим глазом в небо, на вопросы никак не реагировал. Я не мог понять – в сознании ли он или нет.

На следующий день Силантию опять полегчало. Он так и не пришел в себя, но сипловатое дыхание стало ровным, температура понизилась, а отеки на руках и ногах спали. Большой явно идет на поправку. К вечеру, вымотавшись за прошедшие несколько суток не столько из-за чрезмерных физических нагрузок, сколько от перенесенных волнений, я, наконец, уснул спокойно.

Глава 4

Я выспался в эту ночь замечательно, как, пожалуй, давно уже не выспался. Несмотря на то, что Силантий по-прежнему находится в забытии, его спокойное ровное дыхание не даёт повода для беспокойства. Намурлыкивая под нос выплывший из прежней моей жизни мотивчик, заварил чайку из мелких листочков лесной земляники, поджарил нанизанные на веточку три крохотных кусочка солонины вперемешку с пятью такими же крохотными кусочками хлеба и стал не без аппетита их поедать, стараясь, что бы они подольше задерживались во рту. Уже закончив трапезу, услышал в лесу, совсем рядом, слабый треск. Прислушался. В общем-то я даже не испугался, лишь отметил взглядом лежащее рядом копые. Через минуту к костру вышли несколько человек. Я остался сидеть как сидел, нарочито безразлично поправляя уголья в костерке.

150

Это были Архип, Федор, Дмитрий и еще две незнакомые мне бородатые личности, одетые совершенно так, как и первые трое. В общем-то чего либо подобного я и ожидал, поэтому спокойствие моё вполне искренне. Двое незнакомцев с любопытством, без всякого стеснения разглядывали меня, а Архип, окинув всю картину стана, напрямик подошел к лежащему без сознания Силантию. Он внимательно осмотрел перебинтованные раны товарища. Прислушался к его дыханию. Потрогал рукой повязки и, кажется, остался ими удовлетворен. Затем, успокоившись, сел против меня, рядом с телом Силантия. Остальные, наблюдая за действиями вожака, молча расселись вокруг. При этом ни кто будто и не обратил внимания ни на лежащее на земле рядом со мной копые, ни на воткнутый в толстую ветку тут же нож. Один из пришедших принялся вытаскивать из котомки продукты. Дмитрий, взяв котелок, отправился за водой. Все не торопясь перекусили вареной холодной олениной, ржаным черным хлебом и свежим сочным луком. Заметно, что люди изрядно устали и голодны. Я так же, как и прочие, получил свою порцию и съел её. Скучный паек, на котором я находился все последние дни, позволил мне вполне искренне насладиться вторым подряд завтраком. В переданной мне фляге оказался какой то молочный продукт, нечто вроде простокваши. Я, несмотря даже на то, что никогда не был особым ценителем молока, с огромным наслаждением сделал два – три глотка вкуснейшей, слегка тягучей жидкости.

Наконец все, устроившись как кому удобнее (каждый по своему нраву), повытаскивали деревянные трубочки, набили их табаком и закурили, прикуривая от одной палочки с угольком на конце, передавая её по кругу. Увидев блеск в моих глазах, седобородый, выпустив пару плотных струек дыма, передал трубочку мне. Я с наслаждением затянулся. В голове слегка затуманилось. Приятная нега разлилась по телу.

Архип, выждав, пока я сделаю несколько затяжек, наконец нарушил молчание:

– Как случилось?

Я неторопливо, обстоятельно, по временам затягиваясь ароматным дымом, повел рассказ, стараясь не выпячивать своих заслуг и, всячески, превознося отвагу Силантия. Слушатели внимали мне с огромным интересом. Даже Архип, казалось, был поглощен развернувшейся пред его внутренним взором драмой. Я подумал про себя, что для этих, оторванных от мира людей это происшествие действительно огромное событие, которое поколения станут передаваться из уст в уста. Да и встреча со мной, очевидно, далеко не рядовой случай, не смотря даже на то, что они старались не подавать этому вида. Тем не менее любопытные взгляды двух незнакомцев ясно говорили о том, что они были уже не только наслышаны обо мне, но и моя персона явно ранее явилась предметом горячих обсуждений. Исходя из появ-

ления нескольких новых персонажей, а так же отсутствия тяжело нагруженных переметных сумм, следовало, что сопровождавшая меня группа добралась таки до своего поселка и там уже была снаряжена поисковая партия.

Когда я окончил свою повесть, вкратце остановившись на том, как я лечил раны одноглазого и что, на мой взгляд, опасности для его жизни в настоящий момент уже нет, Архип, забрав у меня трубку, велел остальным собирать вещи и соорудить носилки для раненного, сам же обратился ко мне:

– Мы дошли до скита. Ждали два дни. Силантия нет. Тогда Старец велел найти его. – помолчав с минуту, Архип продолжил, – Старец и о тебе знает. Велел привести к нему. Так что сбейся, сегодня в вечеру будем дома.

Мне на минуту показалось, что седобородый как будто оправдывался передо мной за то, что вновь вынужден сделать своим пленником. Но дальнейшая его речь как-то не вязалась с только что сложившимся у меня на его счет мнением. Он вдруг заявил довольно грубо:

– Ежели еще раз наметишь бежать, жалости не жди. Это из-за тебя, из-за твоего побега Силантий лежит там, – он кивнул в сторону распростертого тела, – И не ясно, встанет ли. – Вдруг Архип зло прорычал, – Лучше бы волки тебя погрызли, а не моего брата!

– Но я не просил вас тащить меня с собой! – взорвался я. Несправедливость, заключенная в словах вожака настолько меня возмутила, что сдержаться я не смог. Хоть доля правды в них и была. Но я же не просил и Силантия гнаться за мной.

– Я шел своей дорогой и не трогал никого из вас.

– Вот как! – Архип вскочил, – Вот как! Ну-ка, тяни руки.

Он сам связал мне их накрепко. Я видел, что некоторым из его спутников это явно не по душе. Да и сам Архип, казалось, уже несколько недоволен своей вспышкой. Дмитрий попытался вступить за меня:

– Тятя, почто? Он же спас дядьку.

– Али не он его чуть и не сгубил? – отрезал Архип. Гордость старшего не позволила признать свою неправоту. Тем не менее, когда Дмитрий, не став грузить переметные сумы на меня, демонстративно взвалил их себе на плечи, Архип ничего не сказал. Мне казалось, что внутренне он борется сам с собой, стараясь казаться более жестким и бескомпромиссным, чем ему подсказывала совесть.

– Старец пусть решат судьбу евону. Как скажет, такмо и будет! – бросил он в сторону, ни к кому конкретно не обращаясь. На том и сошлись.

И вновь дорога. Двигаемся строго на запад. Несколько раз спускались в довольно глубокие распадки, по дну которых текли неширокие, но стремительные потоки. Поднимались на каменистые гривы, переваливали их и оказывались в следующей низине. Из лесов совсем исчезла осина. Зато появилась лиственница. Лишь вдоль речушек узкими полосами тянутся опутанные травой заросли березы, ивы, рябины. Лиственницы становятся все больше. Местами она напрочь вытесняет сосну, радостно и горделиво раскидав по сторонам мохнатые юбки.

Наконец выходим к широкой лощине, сплошь покрытой березовыми лесами. В центре её небольшое озерцо с топкими берегами, окруженное непроходимым смешанным лесом. Как я понял из фраз, которыми перебрасывались путники, это и есть Ежовое Урочище. Но ни одного ёжика я так и не увидел, сколь старательно не пялился в траву. Может к ночи выбегают из своих норок, или где они там живут? Носятся сотнями среди травы, шурша о её иголками.

Миновали урочище краем. Пройдя по лощине с километр, вышли из неё. Дальше местность совершенно ровная, возвышенная. Вокруг в основном лиственничная тайга, перемежающаяся небольшими ельничками и пихтачами. Видимость не далее сотни метров. Явные признаки приближающихся гор, постоянно наблюдаемые мной все последние дни, исчезли совершенно. Шли не долго, не более часа. Как-то неожиданно лес вдруг пресёкся в самом, казалось, густом своем месте и взору предстало большое дикое поле с легким уклоном в пра-

вую сторону. Вдали, по левую руку, у самого горизонта в зыбком сизом мареве виднеются верхушки горной цепи. Это не огромные, скалистые, дикие снежные вершины, а коренастые, округлые, поросшие лесами по самые макушки, древние как мир горы. Вряд ли в них достанет и километра. Пожалуй того меньше. Сменяющие друг друга луга, разделенные небольшими рошицами, какие зовутся у нас колками, меж тем всё больше склоняются книзу, переходя в пологий увал. Поначалу едва заметный спуск делался все решительнее и решительнее. И едва миновав очередную, в несколько десятков деревьев березовую кущу, оказываемся на самом краю огромной чашеобразной котловины верст двадцати в поперечнике. На западе она подходит к самому подножию упомянутых выше гор, а с северной и восточной сторон дугой очерчена сплошной стеной совершенно отвесных скал, хорошо просматривающихся даже отсюда. Создавалось впечатление, что некогда огромный участок местности просто ухнул разом на несколько десятков метров вниз. Пожалуй только с нашей, южной стороны в котловину и можно спуститься по этому, вдающемуся в неё языком склону. Плоское дно котловины сплошь затянута таёжными лесами. Среди них поблескивают на послеполуденном солнце пять озер, промеж которых лишь одно, в самом центре, могу назвать заслуживающим внимания своей относительной величиной. Приглядевшись, замечаю, что темно-изумрудное одеяло пестреет небольшими многочисленными более светлыми заплатками – полянами. Местами меж древесных крон мерцают узкие извилистые ниточки. Это реки или ручьи, соединяющие меж собой внутренние озера котловины.

Невдалеке от нас, прямо из земли бьет крошечный родничок. Вода по отлогому склону ручейком сбегает вниз. Мои спутники заметно оживились и торопливо направились к нему. Было ясно, что это их родные места.

Я же замешкался, невольно залюбовавшись открывшейся панорамой. Один из сопровождавших, которому так же не терпелось утолить жажду, добродушно ткнул меня меж лопаток:

– Ну ладноть, ладноть. Полно. Идти надо.

Глава 5

151

На высоком внешнем берегу излучины речушки, в которую впадал ручей, на самой опушке лиственничного леса, сгрудилось десятка полтора добротных бревенчатых изб небольшого, открытого в нашу сторону скита. Домишки разбросаны в казавшемся беспорядке, словно хозяин каждой желал продемонстрировать прочим полную свою независимость. Ничего похожего на улицы или переулки. Тем не менее домики образуют собой полукольцо, окаймлявшее площадку – нечто вроде центральной площади поселка. В центре этой площади, у самого берегового обрыва особняком стоит дом несколько крупнее прочих, с просторным крытым крыльцом перед входом. Меня ведут прямо к нему.

При нашем приближении по округе разнесся возбужденный собачий лай и из окрестных кустов повыскакивало штук семь одномастных взлохмаченных псов. Впрочем мои спутники тут же угомонили их древками коротких копий, словесно никак не выразив своего неудовольствия. Псы не особо и возражали. Они честно исполнили собачий долг и теперь с чистой совестью могли наблюдать за дальнейшим развитием событий, старательно путаясь под ногами хозяев. Последние, едва раздался собачий лай, не замедлили дружно повысыпать из всех строений, заполнив всё открытое пространство. Вслед им из избышек неслось тревоженное многоголосое мычание, обеспокоенное блеяние и испуганный куриный гвалт. Произошла всеобщая краткая суматоха, которая, однако, улеглась так же быстро, как началась. Меж тем наша процессия торжественно прошествовала сквозь остатки деревянных ворот, от которых сохранились лишь покосившиеся боковые столбы да одна воротина, плашмя догнивающая на земле в сторонке. Очевидно скит некогда был обнесен высоким забором – тыном. Но с каких то времен, похоже довольно давних, население его посчитало ограду излишней роскошью. Взамен частогокола поселок сейчас окружала жиденькая околица из двух параллельных друг другу жердей, удерживаемых редкими кольями. Она обозначала границу и служила скорее не преградой для проникновения извне, а для предотвращения несанкционированного выхода домашней скотины за пределы скита. Весь лес на сотню метров вокруг околицы давно вырублен, трава же, почти до самого дерна, выщипана и вытоптана скотом.

Население скита, представленное тремя – четырьмя десятками граждан обоего пола всех возрастных групп, глазело на меня, как на чудо. Все уже были много наслышаны о моей персоне и ждали моего появления с нетерпением и некоторым страхом. И теперь их изумляло лишь отсутствие у меня хвоста и рогов на голове, наличие которых казалось им само собой разумеющимся у всех, кто жил за пределами их крошечного благословенного мирка. Некоторые обменивались мнениями на мой счет, словно я был предметом неодушевленным и ни услышать, ни понять их ни коим образом не мог. Если б это чудо вдруг еще и заговорило человеческим голосом, это явилось бы настоящим для них шоком. Я понимал, что скорее всего для большей части собравшихся я первый, да и верно единственный чужак, которого они видели или когда либо увидят в своей жизни. При этом на заросших бородами физиономиях мужиков написано не меньшее оживление и удивление, чем на окружавших их детских мордочках и румяных женских лицах. Одетые в длинные серые сарафаны, с подвязанными черными платками головами дамы всех возрастов глядели на меня с нескрываемым ужасом, приоткрыв рты. Я даже заметил, что кое-кто украдкой крестится.

Меня подвели к той самой большой избе, что стояла у обрыва. Лишь из неё никто не вышел и не проявил интереса к моей персоне. Архип, велев Дмитрию и одному из незнакомцев оставаться со мной, вошел внутрь. Остальные мои спутники разошлись, каждого кто-то

встречал в толпе. Они сразу же были окружены группками любопытствующих. Рядом с носилками, на которых лежал Силантий, сустились три женщины. Затем и носилки с раненым так же унесли. С нами оставалась лишь стайка мальчишек, да пара особо любопытных и бесстрашных девчонок. Они молча стояли метрах в шести от нас и лупастили свои слегка раскосые, как и у моих спутников, глазки. Я еле сдерживался, чтобы не соорудить ребятам страшную мину. Но меня остановила одна мысль – я не знал, насколько всерьез эти люди воспринимают меня как представителя темных сил. И не воспримут ли мои гримасы не как шутку, а как подтверждение их подозрений. И не выйдет ли моя шутка мне же боком. Сдержавшись, отвернулся лицом к избе.

Наконец, после слегка уже затянувшегося ожидания, входная дверь скрипнула, на крыльцо вышел мрачный Архип и, поманив рукой, скрылся за дверью. Я, сопровождаемый одним из стражей, вошел внутрь. Дмитрий остался на улице. После дневного света меня, казалось, охватила крошечная темень. Но уже через несколько секунд глаза стали привыкать. Мы прошли через длинные, почти во весь дом, сени, в которых имелись две двери по левой стене, дверь в какую-то каморку прямо и одна, по центру, по правой. Меня завели именно в неё.

152

Комната показалась мне, после моих жилищ, в которых я провел последние годы, огромной. Сразу вспомнилось слово – хоромы. Слева от входа массивная русская печь с трубой. В правой стене три застекленных квадратами окошка. Напротив двери, на лавке, за длинным деревянным некрашеным, но начищенным до белизны столом сидит Старец. Седая его борода скрывается где то под столешницей. Длинные прямые, расчесанные на прямой пробор волосы свободно обрамляют худощавое лицо. Руки, сцепленные искореженными старческими пальцами в замок, лежат перед ним на столе. Одет старик в светло-серую холщевую рубаху. Человек этот был хоть и преклонного возраста, однако, судя по тому, как гордо и надменно он держался, вполне еще в силе. Слева от него весь угол комнаты занимает выстроившийся на нескольких полках мерцающий золотом иконостас, пред которым в масляной, изумрудного стекла лампадке горит тоненький фитилек. Стеклышки лампадки разбрасывают зеленые световые зайчики по стенам и полу. Вошедшие со мной дружно перекрестились на иконы. Крестясь, они прикладывали два вытянутых вместе пальца ко лбу, затем низко к самому к животу, к правому плечу и к левому.

– Развяжите, детки, ему руки-то. – велел Старец негромко, но таким тоном, послушаться которого невозможно. Веревки тотчас распутаны. Я вообще уже сообразил, что дед этот пользуется здесь непререкаемым авторитетом. Он не снизошел до того, что бы выскочить вместе со всеми на улицу подивиться на редкое чудо. И никто не попытался зайти вместе с нами внутрь, что бы понаблюдать за дальнейшим развитием событий. Очевидно это даже в голову никому не могло прийти.

Я растерялся. Надо бы тоже перекреститься. Не то чтобы я возражал против этого, просто не знал, как мне следует сделать это – двумя или тремя перстами. Старец словно впился в меня своими колючими и отнюдь не раскосыми глазками с нависшими над ними белыми кустистыми бровями.

– Ты что? Нехристь? – спросил он тихо, но отчетливо. Слова вылетали из почти не раскрывающихся тонких губ.

– Да нет. Крещеный я. – я действительно был крещён в детстве своим дедом в тайне от родителей-партийцев.

– А, – понял Старец. – Не знаш как крест ложить должно. Ну что ж, и то добро, что не лукавишь. Видно Антихрист не овладел еще твоей душой вконец. Садись. – он кивнул на лавку под окнами.

Мне казалось, что я где-то уже встречал это лицо, но я никак не мог вспомнить – где именно. Пока до меня не дошло, что в нем много общего с чертами лица Архипа – такой же острый орлиный нос, стальной колючий взгляд, скулы. Только глаза другие, без монголоидного налета. Я сел. Архип и второй сели рядом и, как бы невзначай, с разных сторон, примерно в метре от меня. Они явно еще не знали, дозволено ли будет вообще общаться со мной.

– Говори, сынок, – почти ласковым, но каким-то безразличным, бесцветным голосом велел Старец, – Как ты попал к нам, откель шёл. Кем раньше был. А уж о твоём будущем мы озаботимся, – с ударением на слове «мы» закончил он. Не столько от слов Старца, сколько от тона, которым они были сказаны, меня пробил холодный озноб. Еле справившись с собой, я стал рассказывать о том кто я и откуда. Я понимал, что моя старая версия, изложенная Архипу, уже известна старику, да и требует он большего. Не то, как я оказался на болотах, а то, кто я вообще есть такой. Стараясь, что бы голос не выдал моего волнения, принялся рассказывать.

Первая часть моей повести не слишком сложна, ибо я решил рассказать свою действительную историю: кто я, где появился на свет, где жил, кем работал. Про жену, про дочь. Изменил лишь некоторые несущественные детали, да свое имя и фамилию. Благо, что не забыл тех, какими назвался при первом вынужденном знакомстве.

Вторую же часть пришлось излагать более осторожно, что б она не расходилась с тем, что я говорил раньше. Впрочем, предвидя такое развитие событий, я про себя уже дня два как отшлифовывал свою полувыдуманную историю. Ни фигура, ни руки старика во время моего рассказа ни разу не изменили своего положения и лишь взгляд выдавал глубокое внимание к каждому моему слову.

После того, как я замолчал, Старец долго еще сидел, прикрыв веки и погружившись в свои думы. Минут через десять я стал поглядывать на соседей – не заснул ли старик? Но мои стражи совершенно спокойны и никаких признаков нетерпения не выказывают. Скорее они хранили благоговейное молчание в предвкушении мудрости, которую изрекёт этот седой оракул.

– Так, значит... Архипушка, – раздался наконец голос старика. При этом ни один мускул на его лице не шевельнулся, – Отведёшь сего человеке к Матвею. Он теперь один в избе бедует. Сказывай ему, пока с ним жить станет. Да и в хозяйстве подмога какая. А ты, завтра в вечеру, сбери-ка стариков. Думать будем. Посмотрим – можно ли в общество ввести.

Архип почтительно выслушал сказанное, после чего кивнул мне в сторону двери. Я уже понял, что моим мнением тут никто интересоваться не собирается и воздержался от каких либо споров, решив, что прежде чем пытаться бороться за свои права, следует немного освоиться и понять господствующие здесь нравы. Решить, насколько авторитет Старца бесспорен. Есть ли у него какая никакая оппозиция. Да и положение самого Архипа мне не вполне ясно, как не ясно, насколько я могу довериться ему. Из всех, с кем я до сих пор был знаком, пожалуй, только Дмитрий выказывал мне искреннюю симпатию.

Когда я уже выходил в дверь, краем глаза заметил, как откуда-то из-за печи, из закутка, отгороженного занавесочкой, вышла старушка, укутанная с ног до пят во все темное и с почтением поставила перед стариком небольшую миску с варевом, деревянную ложку да глиняную крынку, до краев полную молоком.

153

Те же двое охранников вывели меня из избы. Глаза вновь на мгновение ослепли, но на этот раз от яркого предвечернего солнца, бившего прямо в лицо. Меня повели вглубь скита. Миновав по натопанной извилистой тропке три избышки, подошли к четвертой, росшей из земли почти у самой околицы. Изба, не то чтоб маленькая, но и не так, чтоб большая, сложенная из крепких толстых лиственничных стволов, уже хорошо потемневших от времени. Как и все прочие строения в поселке она крыта тесом из нешироких досок. Из крыши торчит круг-

лая труба. Мы обошли сруб кругом, так как дверь избушки выходила в сторону леса. У самого входа, на обрубке бревна сидит дед. Он, пожалуй, того же возраста, что и Старец. Но вид его выдавал совершенно иную личность. Первым обращал на себя добрый, с некоторым налетом грустного лукавства взгляд выцветших от времени голубоватых глаз. Разрез глаз его, так же как и у Старца, не имел того небольшого прищура, что характерен для большинства местных жителей. Фигурка хозяина суха и, как то по-старчески, костиста. Впрочем, когда он встал, сразу стало заметно, что в молодые свои годы человек этот был весьма высок и крепок. Увы, сейчас от былой крепости осталось немного. Одет хозяин в домотканые штаны и рубаху, ничем, подомашнему, не подпоясанную. На ногах короткие кожаные, протертые по внутренним сторонам голенищ почти до дыр сапоги. Борода и волосы деда такие же седые как и у Старца, но довольно коротко и аккуратно стрижены, отчего лицо его приобретало несколько интеллигентный вид. Пожалуй не хватало лишь очков – половинок.

Архип без особого почтения, но и не так чтоб развязно, обратился к нему:

– Матвей, Старец велел тебе взять чужака к себе в избу. Пусть живет у тебя, пока старики не решат, что с ним делать дале.

Дед окинул, как мне показалось, чуть насмешливым взглядом Архипа, от которого тот заметно стушевался. Затем с интересом, но доброжелательно осмотрел меня. Вытащил трубку изо рта и чуть трескучим голосом фыркнул:

– Ну коль Старец изволил... – и повернувшись ко мне, продолжил, – А ты, парень, проходи. И не серчай на прием. Мы, в обще-то люди добры, не злобливы.

Обернувшись вновь к приведшим меня, спросил:

– Что щё просил Лексей казать? – я понял, что «Лексей» – имя Старца. Меня такое нарочитое непочтение к тому, пред кем я видел лишь всеобщее почтение, несколько удивило. Архипа, казалось, это покорило.

– Токмо то. – и, словно только сейчас вспомнив, – Да. Завтра в вечеру совет стариков. И ты приходи. – было заметно, что Архип хочет высказать свое неудовольствие поведением собеседника, но, все ж, он несколько робеет перед этим человеком. Причем робость была иного рода, чем перед Старцем. Без преклонения. С некоторым даже высокомерием. Но все ж он явно его опасался. Это повод поразмыслить. Не всё, видно, так уж однозначно в этом «датском королевстве», как мне старались показать.

– Ну так иди, малой, – отпустил его Матвей. Архип крутанулся, словно его щелкнули по носу, и зашагал прочь в сопровождении своего молчаливого и вполне ко всему безразличного товарища. Тот явно не торопился встать на сторону ни одного, ни другого. Но мне показалось, что он внутренне наслаждается унижением Архипа.

Хозяин проводил удаляющуюся парочку насмешливым взглядом и затем, обращаясь ко мне:

– Как мне звать тебя, человеце?

– Так Никитою все зовут.

Дед какое-то время пристально смотрел мне в глаза. Мне даже показалось, что он каким то образом знает, что это не мое имя. Затем он все тем же приветливым голосом согласился:

– Ну Никита, так Никита. Заходи, Никитушка, в избу.

Вслед за дедом я вошел внутрь, опять на мгновенье ослепнув. Изба, хоть и гораздо меньшая по размерам, чем у Старца, все ж вполне просторная. Состояла из двух, разделенных рубленой стеной помещений, в первом из которых выделены небольшие сени, отгороженные толстыми тесанными досками. Пройдя через сени мы оказались внутри. Почти треть комнаты занимает стоящая по левую руку русская печь, менее громоздкая чем в предыдущем доме, но также вполне основательная. Судя по всему она, как и моя, целиком бита из глины-сырца, но сделана неизмеримо искуснее. Справа во внешней стене небольшое оконце, застекленное через переплет четырьмя стеклышками. Под окошком, несколько наискосок от печи, боль-

шой стол, непрменный атрибут крестьянской избы, с обеих длинных сторон которого лавки. У противоположной стены, во всю её длину – лавка пошире. Справа у входа, прямо в стену набито с десяток коротеньких колышков для верхней одежды, а дальше, в углу – ряды полок. Содержимое полок полускрыто занавесочкой, но можно разглядеть чашки, тарелки, крынки, несколько чугунов и кружек. Все это частью из металла, частью глиняное либо деревянное. Под полками еще один стол, небольшой. На нём в берестяных туесках деревянные ложки и пара ножей. Несколько туесков с плотно воткнутыми крышками. Вообще комната, несмотря на свою скромность, покоряла чистотой и порядком – каждой вещи определено своё место. По гладко струганному полу разбросано с пяток самотканых половичков, а у дальней лавки здоровенная, бурого цвета шкура. Не иначе, как медвежья, решил я. Сдесь же аккуратно расставлены какие-то немногочисленные приспособления из деревянных частей, назначения которых я не знал. В правом дальнем углу полочка с пятью иконками. Тусклое серебро окладов и густой темноты деревянное обрамление говорили об их древности. Центральная же, большая из всех, была цельно-писанной, на единой, несколько выпуклой к центру доске. Неброскую красоту её не искажало никакое обрамление. С доски прямо в душу вошедшему смотрели удивительной глубины и мудрости глаза. У меня пробежал озноб по спине.

В левой стене, сразу за печью, скрипнула маленькая дверка. Из соседней комнатки, не вытерпев, выглянули две особы. Одна – молодая еще женщина, не больше двадцати пяти – двадцати семи лет, с очень грустными печальными глазами. У её ног, прижавшись к ней, серьезным взглядом смотрела на меня совсем крошечная девчушка лет семи, не больше. Обе одеты в самотканые некрашенные сарафаны с повязанными на головах из той же ткани платками. Встретившись со мной взглядами, особы попытались тут же нырнуть обратно, но Матвей остановил их жестом руки.

– Это Аленушка, внучка моя, – голос старика мягок и ласков, – И Настюша, – добавил после небольшой заминки, слотнув комок, подкативший к горлу, – Вдова сына мово, Николки.

Глава 6

154

Как поведал старый Матвей, вернувшись с Совета, решено крестить меня в правильную веру и оставить в скиту. Моим согласием ни в первом, ни во втором случае никто, даже сам Матвей, поинтересоваться не посчитали нужным. Поначалу это меня не то что бы оскорбило или шокировало, скорее удивило. Как так? Неужели им безразлично по свободному ли выбору, с желанием ли человек вливается в их общину? Однако, поразмыслив, сложив в голове то, что успел увидеть и услышать, понял, что меня отнюдь никто обидеть не хотел. Напротив. Эта небольшая община уверена, что именно она только и живёт по правильным заветам и истинному установлению создателя. А там, в том, далеком и чуждом для них мире все погрязли в ереси и блуде. Почему так? Они не знали сами. Так всегда говорил Старец, так говорили их отцы и деды. Кстати ни понятия «староверы», «старообрядцы», «двоедане», «раскол», ни кто такой Никон они не ведали. Вернее не помнили. Попросту знали, что избраны хранить истинную веру, которая в миру давно искажена, а значит быть «Верой» перестала. Себя же считали не какими то «настоящими» христианами, но просто – христианами. Даже слово «православные» я за все время услышал лишь раз или два ибо они не различали понятия «православный» и «христианин», так как ты был либо «христианином», либо им не был. Все прочие вне стен скита считались мирскими. Само слово «мирской», «мирянин» произносилось с несказанным презрением и брезгливостью. Отдать дочь за мирянина, либо жениться на женщине мирянке – большой грех, потеря чистоты, да и попросту вещь совершенно невозможная. С мирским не то что есть или пить из одной посуды, находиться в одном помещении – грех. Вообще каждый в общине имел свою особую посуду из которой только и ел. Если же кто вынужден был воспользоваться чужой, её после этого тщательно мыли, читая молитву, и несколько дней потом к ней не прикасались. Если же к посуде притронулся мирянин, посуду выкидывали подальше за околицу, а то и сжигали за пределами скита (но ни в коем случае не в печи!). Как я узнал впоследствии, с моей посудой, что я пользовался до крещения, хозяева в тайне от меня поступали так же.

И только они, «христиане», да их единоверцы из других известных им скитов истинно спасутся и получат вечное блаженство после воскресения. Само общение с грешниками, слугами антихристовыми является большим грехом, требующим многочасового замаливания. Даже на встречу с мирянами с целью обменять шкурки послы получают соответствующее дозволение Старца и напутствие, какие молитвы следует читать до, какие после общения с «богохулителями» и «отступниками». На самом деле это не одно и то же. Если первые изначально считались врагами веры христианской, то вторые, по малодушию своему, предались им, отступившись от веры истинной к мракобесию Антихристову. Первых следовало опасаться и ненавидеть, вторых дозволено жалеть и молиться за грешные души их. Моим непонятным, неустановленным статусом, а не только тем, что я просто чужак, и объясняется неподдельный страх местных предо мной. Поэтому, как все считали, община оказывает мне безмерную честь, согласившись принять в свои ряды. Основной спор на совете, по словам Матвея, велся о том, чего во мне больше, благодати или греха. Перевешивало ли то, что я спас Силантия, то, что он по моей вине чуть не погиб? К моему удивлению чашу весов в мою пользу склонил Архип. Он напомнил старикам, что я был схвачен против своей воли, а посему имел полное право, пока не знал кто они, пытаться вернуть себе свободу. Архип признал, что вина в том лежит и на нем, ибо это он вовремя не растолковал чужаку кто они. А в том, что я сам вышел к ним, виден промысел божий. Все согласились с этим. Старец вынес решение: коли я буду крещен в веру

истинную, то так тому и быть – я стану одним из них. Заодно наложил епитимью на Архипа за признанный им проступок, посчитав, что большим грехом то с его стороны не является. Казалось хозяин несказанно рад тому, что все так хорошо обернулось. Особенно он остался доволен тем, что жить мне определено у него. Во всяком случае до тех пор, пока я не женюсь и не справлю свою избу.

Остаток вечера Матвей учил меня, какие мне станут задаваться вопросы на таинстве крещения и как следует на них отвечать. Как правильно креститься. Как, когда и сколько следует класть поклонов. «Никогда не клади поклон, как осеняешь себя крестным знаменьем, – наставлял старик, – Перекрестился, только затем кланяйся. Ибо в противном грех велик. Нельзя крест к земле гнуть. То понятно?». Разъяснял, пред какой иконой какие слова говорить. И, главное, о чем ни в коем случае нельзя упоминать.

Даже домашние деда, после принятого решения, облегченно, казалось, вздохнули и заметно изменили ко мне отношение. Теперь я хоть и не свой, но уже не чужак, за общение с которым последует строгое наказание. Аленка вприпрыжку бегала по избе, сначала робко, а затем все беззаботнее и радостнее. Временами она лишь, словно опомнившись, замирала и с опаской поглядывала на меня. Но через минуту вновь игралась как котенок. Даже молодая вдова, скромно опустив глаза долу, вышла из своей комнатухи и принялась хлопотать по хозяйству.

155

Рано поутру, до рассвета, Матвей поднял меня. У избы Старца собралось человек пятнадцать. Как я понял – все взрослое дееспособное мужское население скита. Вскоре вышел и сам патриарх. Он был бос и одет лишь в длинную не подпоясанную домотканую рубаху и такой же ткани штаны. Молчаливая процессия двинулась к реке, вдоль берега которой спустилась несколько ниже по течению, к небольшому заливу, метрах в пятистах от скита. Старец завел меня по пояс в воду и велел скинуть всю одежду, бывшую на мне и бросить её в воду. Затем, положив правую руку мне на голову и вполголоса читая молитву, принудил окунуться с головой. Едва я вынырнул, спросил: «Веруешь ли в отца нашего всемогущего?», Я отвечал «Верую». Он тут же второй раз погрузил меня в воду, а затем в третий. И каждый раз задавал тот же вопрос. И каждый раз я отвечал – «верую». Как ни был я взволнован происходящим, однако заметил, что Старец говорит только об Отце, Творце сущего, но не упоминает ни Иисуса, ни Духа Святого. Что это – отрицание триединой сущности Создателя, принятой в большинстве христианских течений или просто сложившаяся в общине традиция?

После того, как я в третий раз ответил «верую», мне поднесли совершенно новую длинную, домотканого полотна рубаху, которую я одел прямо в воде, после чего только смог выйти. Подол рубахи спускался чуть не до колен, потому отсутствие штанов на мне не смущало ни меня, ни прочих свидетелей таинства. Меня заставили встать на колени и, читая молитвы, один из стариков остро отточенным ножом коротко пообрезал мою бороду и волосы (тут я, честно говоря, искренне возрадовался, что попал не в общину иудеев и отделался лишь потерей волос). Старец надел мне на шею простенький медный крестик без всяких рисунков и надписей. Со мной по очереди обнялись все присутствующие и двукратно расцеловали в обе щеки, приговаривая «приветствую тя, брат». Я отвечал тем же. Одежду мою, меж тем, выловили длинной палкой из воды, не позволяя коснуться берега, и бросили в разведенный специально для этого костер. Туда же последовали волосы. Пока костер догорал, уничтожая следы мирского, все, вслед за Старцем, читали молитвы и вдохновенно спели несколько псалмов. Затем пепел развеяли над рекой, а кострище забросано песком. Никакого следа от моей мирской одежды не должно осталось и в помине.

В конце церемонии мне презентовали порты – свободные штаны из некрашеной ткани, кожаные сапоги с «поддевками» (портянками) и пояс – все это символизировало то, что теперь я не только крещеный единоведец прочим, но и признан взрослым, полноправным членом общины. В ходе церемонии я как бы прошел символический путь от рождения до зрелости. Никаких крестных отцов или матерей не предусматривалось.

По возвращению в скит мы обнаружили на центральной площади два составленных встык длинных стола. На столах стояло лишь несколько больших мисок (похожих скорее на тазы), полных дымящейся каши. Возвышался горкой ломанный толстыми ломтями черный хлеб. Стояли крынки с чистой водой. Во-главе стола сел Старец. По правую руку от него, по мере убывания старшинства, старики. По левую – взрослые мужчины. Я был посажен в самом их завершении, в отдалении от Старца, так как, несмотря на то, что и стал виновником торжества, но считался младшим из взрослых членов общины, еще не доказавшим ей своей полезности. Ни вилок, ни ложек, ни ножей на столе не заметно.

Женщины еще суетились, разнося хлеб. Лишь когда расселись все мужчины, они так же разместились вокруг отдельно стоящих невдалеке столов. Там же расселись и дети обоого пола лет до пятнадцати – шестнадцати. Старец, терпеливо выждав, когда женско-детский стол угомонится, встал и возвестил примолкшим враз соплеменникам, что теперь у них де есть новый брат, который впервые сегодня преломит с ними хлеб и испьёт воды. После все помолились вполголоса, склонившись каждый над лежащим пред ним ломтем ржаного хлеба, и согласно приступили к праздничной трапезе. Я отметил, что каждый из пирующих (даже самые маленькие детишки) достал, кто откуда, свою персональную деревянную ложку и кружку и принялся есть кашу из одной из общих мисок, что была ближе к нему. Зачерпнув полную ложку горячей каши, едок нёс её к себе, удерживая над куском хлеба в другой руке. Если хоть кусочек пищи упадет на стол – очень плохая примета. И для самого ротозея и для его сокашников. Придется замаливать, причем всем, находившимся за одним столом. Действительно, сколь бы много каши не оказывалось на ложке, я ни разу не видел, что бы хоть часть из неё свалилась мимо куска хлеба на доски стола.

Ложку с кашей не засовывали в рот, а снимали с неё пищу в несколько приемов. Предомной так же была поставлена берестяная кружка и деревянная простенькая ложка, которым предстояло стать моими личными предметами, пока я не посчитаю необходимым обзавестись другими. Теперь даже в гости я должен являться только со своим инструментом, иначе мог остаться голодным. Ни в коем случае нельзя пользоваться чужой посудой. Это не то что бы грех – просто так принято.

В ходе трапезы я имел возможность рассмотреть практически всех обитателей скита, за отсутствием Силантия, да может еще двух – трех больных и совсем немощных стариков. Даже младенцы присутствовали за столом на руках своих матерей. Общей трапезе, очевидно, придавалось большое символическое значение. Преломив совместно хлеб, отведав каши из общих блюд, люди чувствовали свое единство и сопричастность к чему-то общему, сакральному. Оказалось, что всего в общине, семнадцать взрослых мужчин, из которых пятерых можно было отнести к категории стариков. Взрослых женщин около двух десятков, да несколько молодых незамужних девушек, отличавшихся более пестрыми сарафанами да по иному повязанными платками. Четверо парней, явно уже вышедших из детского возраста, но еще не принятых во взрослое состояние, держались особнячком. Детишек всех возрастов набралось не меньше десятка. Их трудно было пересчитать, так как усидеть на месте большинство из них никак не могло и постоянно крутилось вокруг вперемешку с возбужденными собаками.

156

С этого дня я мог свободно перемещаться по поселку куда мне вздумается, однако ж, как я вскоре понял, за мной втихую все равно кто либо да приглядывал. Стоило лишь ступить за околицу, как какой либо из моих новоиспеченных «братьев» тут же навязывался мне в попутчики и, между прочим, принимался вежливо, но настойчиво отговаривать от того, чтоб отходить от скита дальше пары сотен шагов. «Да мы и сами туды ни ходим, – канючил мой сопровождающий, – Мало ли чо случится-то. Опасно-ть одному. Давай лучше по другому разу, как охотники пойдут, такмо и мы с ними». Я понимал, что это, фактически, не просто пожелание, а приказ Старца, передаваемый мне в вежливой, но вполне определенной форме.

Первое время проведать меня заходил Архип, окидывая единым цепким взглядом всё в избе. Но каждый раз наткнулся на насмешливое радушие Матвея и, потоптавшись, быстренько сворачивал свой визит. Очевидно ему велено осуществлять за мной общий надзор. Судя по всему Старец не до конца доверял моему хозяину. Как то Матвей, после очередного незапланированного визита Архипа, бросил:

– Душа то у Архипа незлоблива. Только заморожена отцом его.

– А кто его отец?

– Так Лексей и есть. Его да Федора.

– А Силантий? Архип говорил, что Силантий то же его брат.

– Силантий то? – Матвей замялся, – У Силантия мать друга. Безбрачны они были. Грех то был Лексеев. Потому недолюбливает он Силантия, ибо напоминает ему о том, даже слова не молвя. Силантию в детстве нелегко стаслось. Токма ни едина слова упрека отцу никогда не сказывал. Лексей же к своему сыну хуже, чем к соседскому чаду относился. Говаривали, что мать Силантия через то и рано в могилу сошла. От слез своих да от стыда. Кто её с безмужним дитём возьмёт? Но бабой была хорошей, скромной, да вот на грех свой полюбила не того, кого следоват. Всё молилась. Не свою – свою сыночка душеньку отмаливала. За него, да за отца его беспутного молилась.

Мы помолчали. Качая головой, я спросил:

– Что ж она нашла в Старце.

– Так не был он о ту пору еще Старцем. Да и по молодости хорош собой был Лексей, тут уж ничего не скажешь. И охотник знатный. И на речи гладкий. Всем очи застил. Я-то знал его с младенчества. Приятельствовали даже. В разных передрягах побывали вместе. И, пожалуй, я, да Старец, что был допреж его, знали, что душа у Лексея с червоточинкой. Он, отходя лет десять тому, завещал старикам ни в кой не выбирать взамен него Лексея. Токмо Лексей всех опутал лестью своей. Он то умет. – Матвей махнул рукой, – А что там промеж него да Ефросиньи стаслось? Как оно так сладилось? По добру ли? Да Господь ему судья. Боженько всем раздаст по заслугам их. От него не скрош ничего.

Так мои догадки насчет того, что в скиту нет уж того единомыслия, как казалось поначалу, подтвердились. Жизнь внутри общины имела много подводных течений. Имевшиеся конфликтные точки подспудно тлели и ждали лишь повода для того, чтобы вырваться наружу, вспыхнув пожаром. И лишь незаурядный политический талант Старца гасил назревавшие конфликты. Мне кажется, Матвей признавал талант друга юности и был ему даже благодарен за спокойствие в скиту. Он, как человек мудрый, понимал, что мир в общине гораздо дороже, чем чьи либо амбиции. Стоит лишь разгореться конфликту по самому пустячному поводу, как с единством, а значит с относительным благополучием общины будет покончено.

157

В скиту я занимался тем, чем скажет Матвей. Что-то починить, что-то унести, за чем-то сходить. Так как вскоре выяснилось, что у меня имеются определенные столярные способности, я стал помогать ему в изготовлении столов, лавок, полок. Это оказалось основным занятием старика. Кроме того в поселке имелся и свой гончар, который обеспечивал соплеменников крынками, тарелками, кувшинами и прочей керамикой. Женщины занимались прядением нити изо льна, крапивы, конопли, козьего пуха. Ткали на небольших домашних станочках полуметровые полоски ткани, из которых уже шилась одежда, вещмешки, одеяла, наволочки и прочее.

Не раз я слышал, как жаркую летнюю тишину вдруг раскалывал непонятный перезвон – цок-цок-бамм, цок-цок-бамм. Краткий перерыв, и снова цок-цок-бамм, цок-цок-бамм. Первый раз, услышав эти звуки, я в недоумении закрутил головой, выискивая их источник. Вскоре до меня дошло – это местный кузнец Трефилий приступил к своим обязанностям. Судя по недолго продолжающимся звукам – правит какой либо хозяйственный инструмент. Сам я в кузне до сей поры ни разу не был, но знал о ней со слов Митяя, который по благословению Старца подвизался там (без особого энтузиазма) молотобойцем. Надо будет познакомиться с Трефилием Киприянычем (его чуть ли не единственного в скиту даже за глаза величали по имени-отчеству). Навыки по работе с раскаленным металлом мне пригодятся. Меня больше интересовал даже не сам процессковки, а закалки и последующего отпуска металла.

Почти у каждой избы небольшой пристрой, в котором содержатся коровы, козы и куры. Иной живности, не считая своры добродушных, но вечно голодных псов, я не видел. Пасли двух первых в основном подростки, в помощь которым отряжалось несколько пацанов помладше. Девочки лет с пяти помогали матерям по дому. Кроме того, как я узнал несколько позднее, у общины имеется огород, несколько полей и даже небольшой сад. В поле, в километре от скита на одной из расширенных искусственно полян, росла рожь, лен, конопля, неплохой картофель. В огороде выращивали репу, свеклу, капусту, огурцы, лук, петрушку, еще что-то. Причем за тем, чтобы овощи не вырождались, строго следила пара старух: крикливая Прасковья да подслеповатая Марфа. Они из каждого урожая на семена тщательно отбирали наиболее крепкие и здоровые экземпляры. Причем полномочиями были наделены весьма широкими и без их согласия никто не мог, даже на своем участке, ни начать сев или посадку, ни приступить к сбору урожая. Прежде чем убрать урожай в закрома его в обязательном порядке предъявляли этим эмпирическим агрономшам. Под их руководством весьма успешно осуществлялась и подкормка земли поставляемым скотом удобрением.

В саду поселян, раскинувшемся сразу за околицей вдоль берега реки, имелось восемь прекрасных стелющихся, не боящихся местных зим яблонь и особо любимых детворой груш, десятка три кустов малины, примерно столько же черной смородины. Кажется даже две айвы.

В реке, которая называлась почему то Гремушкой, хотя представлялась вполне равнинной и тихой, во множестве водились караси, окуни, ерши, шуки, язи, лещи и чебаки. Их добыча являлась прямой обязанностью детишек, подчинявшихся одному из стариков, распорядившихся снастями и уловом. Вообще охота, работа на полях, огородах и в саду была общей заботой жителей, так же как поступал в общие закрома весь урожай и добыча. Домашний же скот был в распоряжении той семьи, которая его содержала. Даже сено на зиму заготавливалось каждой семьей особо на отведенном для нее лугу. Каждый год эти луга перераспределялись, дабы избежать взаимных обид и обвинений. Очевидно, что споры на этой почве случались. Особо желанными считались окруженные березнячками, ивовыми зарослями да кустами черемухи и рябины заливные луга в неширокой речной пойме Гремушки, а так же у одного из низовых озер с болотистыми, топкими по весне берегами. Все это я частично узнал сам, частично мне

рассказывал во время работы Матвей – человек по житейски мудрый и очень словоохотливый. Он рад новому слушателю, готовому внимать всему, так как не знал абсолютно ничего. Меня можно удивить, казалось бы, элементарной для жителя скита информацией.

Интересное положение отводилось в общине женщинам. Они не были бесправными или забытыми, как мне показалось поначалу. Напротив – занимали вполне значимое место в скиту. Старухи, так же как и старики, имели право участвовать в собраниях, касавшихся общих вопросов и могли даже наложить вето на решение старейшин.

В семье, в отсутствии посторонних, женщины всегда ели за одним столом с мужчинами, в присутствии же гостей все женщины и девочки устраивались отдельно, за маленьким рабочим столиком, так и звавшимся – «бабий кут». Но и в этом случае женщины не упускали случая вклиниться в разговор мужчин за соседним столом и дать непрошенный теми дельный совет, либо сделать заслуженный, по их мнению, выговор. Мужики воспринимали это как должное. Вообще никакого покровительственного или презрительного отношения со стороны мужчин к женщинам я ни разу не наблюдал. Напротив, слово женщины всегда весомо и, чуть ли, не решающее. Просто у тех и других свой круг обязанностей, которым они и посвящали своё время. Мужчина не мог даже коснуться кухонной утвари или какой-либо прялки. Еду в доме подавала исключительно женщина. Даже что бы испить воды, мужчине приходилось обращаться к женщине, пусть это была всего лишь его четырехлетняя дочь. Только женщина могла зачерпнуть кружкой из общей емкости воды и подать ему. Но мужики научились обходить хотя бы эту преграду, таская с собой привязанными к поясу небольшие берестяные кружечки, которыми зачерпывали воду из специального ведерка с водой, стоящего снаружи у самого порога и прикрытого каким-либо кожушком. Это ведерко так и звалось – «мужицким» и служило предметом постоянных шуточек со стороны женщин. Вместе с тем женщины не должны прикасаться к орудиям труда, охоты и лова, которые хранились при доме. Что интересно, женщине вполне дозволялось участвовать в охоте по желанию, но и в этом разе она получала оружие только из рук мужчины уже вне стен избы. Сама же не могла взять его, пусть даже для этого его надо бы просто снять с крючка на стене.

Вне дома и в присутствии постороннего все женщины и молодые девушки обязательно повязывали голову платком. Способ повязывания различался у юных девушек, молодых бездетных женщин, многодетных замужних дам и вдов. Вдове, особенно молодой, в принципе не возбранялось повторно выйти замуж, но как-то это не особо приветствовалось. Жить она оставалась с родителями мужа, коли они еще оказывались живы. Но вольна была и уйти к своим родителям, если те примут её. Очевидно такое желание выказывалось с их стороны не всегда, чему не в малой степени способствовали взрослые братья вдовы, претендующие на наследство предков. Женщина же своей доли в наследстве не имела, так как считалось, что она уже получила свою часть в виде приданного. Вообще участь вдовы не очень весела. Она как бы выпадала из жизни общины. Ни кто ни в чем её не обвинял, но всяк признавал её дальнейшую бесполезность.

Иное дело – вдова преклонного возраста, заслужившая уже авторитет своими способностями и имевшая поддержку со стороны взрослых детей.

Во время общих воскресных молений в избе Старца все мужчины стояли справа, у окон, женщины слева, а детишки спереди, пред всеми. Немошные и больные сидели на лавках у соответствующей своему полу стене. Отдельно, по субботам, Старец собирал детишек лет до одиннадцати у себя в избе и читал им древнюю, чудом сохранившуюся библию в толстом кожаном переплете с полустертым тиснением. Иных книг, даже богослужебных, старец не признавал. Учить детей читать он так же не считал нужным. Этим могли заняться родители в семье, если пожелают тратить на то время и сами обучены грамоте. Вообще излишнее любопытство в отношении того, что не касалось ведения хозяйства или охоты патриарх не поощрял и пре-

секал тот час же. Правда я об этом узнал много позже, иначе возможно избежал бы многих неприятностей.

Религиозные воззрения в общине, за неимением постоянного общения с единоверцами, превратились в нечто максимально упрощенное. Были отвергнуты все противоречивые, на взгляд Старца и его предшественников, моменты в Писании. Всё что могло вызвать ненужные вопросы и малейшие споры отброшено. Двусмысленность изгнана. Всё должно быть ясно и определено. Из всех таинств в службе остались лишь крещение, исповедь да отпевание усопшего. Исповедовал раз в месяц все население скита не только Старец, но и одна пожилая дама, избранная всей общиной Наставницей. Вообще роль Наставницы хоть и не явная, но очень значительная. Она занималась всеми вопросами брака, рождения и смерти. Её решение по этим вопросам не мог оспорить даже Старец. И только сама Наставница определяла время, когда ей следует просить общину о замене. При этом она не могла влиять на выборы новой Наставницы, высказывая мнение о той или иной кандидатуре. Старец же исполнял свою роль пожизненно, даже если лежал уже недвижим от хворей. Его мнение при избрании по его смерти нового Старца напротив, учитывалось, но было не обязательно.

Вместе с тем в быту вполне уживались всяческого рода суеверия и страхи перед неизвестным. Различного рода духи, как то домовые, таежные, болотные, речные, овиные, луговые, огородные и множество – множество прочих, о которых в современных селах уж и не помнят давно, почитались без рассуждений и им старались не перечить. Из особо неприятных и мстительных самым зловредным считался *подпенёчный дух*. Но не каждого пенёк, а того только, что остался от срубленного топором дерева. Он затаил обиду на человека за отнятый у него дом и пониженный потому статус и при каждом удобном случае старался нагадить позлее. Всё злое и необъяснимое, что случалось с человеком в тайге, приписывалось большей частью Подпенёчнику. Если неприятности в этом месте повторялись, стоило найти пенёк и задобрить его, посадив рядом росточек такого же дерева. Дух переселится в него и, обретя утраченный дом, успокоится.

Старец же делал вид, что всего этого не замечает. Как я понял, этот своеобразный консенсус устраивал всех. Одна из старух, наиболее авторитетная в своем искусстве, занималась лечением травами и заговорами от болезней, что этих набожных людей ни капли не смущало. Особенно все боялись сглаза и тайных проклятий. Благодаря этому старуху-ведунью, «старицу» бабу Маню, побаивались и ни в коем случае не перечили, соглашаясь с любыми методами предписанного ею лечения и всякому, поставленному ей, пусть самому дикому диагнозу. Даже, говаривал Матвей, Старец и Наставница не рисковали вступать с ней в пререканья, несмотря на то, что она, по сути, была их идейным антиподом и легитимной властью никакой не обладала. Впрочем баба Маня в политику не совалась и чьих либо прав на власть не оспаривала. Ей доставало того, что имела. Припрёт нужда, шли не к Старцу. Шли к ней. Даже, судачили бабы, сам Старец пользовался её зельями, так как страдал зубами. Однако ни сам патриарх, ни старица-ведунья никогда этого вслух не признавали.

Глава 7

158

Исконным занятием любого таежного жителя является охота. И, несмотря на то, что для обитателей скита охота никогда не была основным поставщиком продуктов, все же именно она давала львиную часть потребляемого ими мяса и шкур, тогда как домашний скот держался скорее ради молока, а куры ради яиц. Птицу забивали изредка, по семейным торжествам либо религиозным праздникам. Корову или козу позволялось колоть только поздно осенью, ближе к Рождеству, да, пожалуй, на свадьбу, что случались далеко не каждый год. Козы особо ценились за вычесываемый из их шерсти пух. Падшую от болезни скотину в пищу не употребляли в любом случае. Охота же велась в редкие дни, свободные от насущных в поле или огороде дел. Ради шкур промыслили исключительно зимой, так как летние, редкие, да к тому изъеденные личинками слепней, никуда не годились. Добытые шкуры обрабатывались и раз – два в год выменивались в поселке (о месте нахождения которого, со слов Митяя, мне категорически не велено сообщать) на товар, нужду в котором на тот момент испытывали. Именно встреча с подобной группой, возвращавшейся с очередных торгов, и стала причиной моего невольного появления здесь. Летняя охота рассматривалась скорее как развлечение, отдых. Нечто вроде спортивной забавы. Если зимой две – три промысловые бригады, по три – четыре человека, уходили в тайгу на несколько месяцев, то летом желающие «поскрадывать зверя» шли в тайгу на считанные дни. Обычно охотники не отходили далеко от скита. Промысел велся большей частью на зайцев, оленей, косуль, кабанов, край на лося. Его летнее мясо не особенно вкусно. Причем ни в коем случае не трогали самок с малыми детьми и били за раз не более одного, лишь в азарте другого, крупного зверя. Только что б порадовать сородичей свежим мясом. Лишь в охоте на зайцев меры не знали, оправдываясь их плодовитостью. Староверы относились к тайге, как к своему подсобному хозяйству, рачительно и с большим уважением.

Примерно через неделю моего проживания в скиту, человек пять мужчин, составлявших, как я понял, более-менее постоянный костяк охотников, засобирались в тайгу. С ними напросился и я. Интересно посмотреть на то, как эти люди промысливают зверье. В последующем это могло пригодиться и мне. Я ни минуты не сомневался, что рано или поздно уйду из скита и вернусь на свое любимое болото.

В скиту, как оказалось, имелось два ружья, но использовались из-за дефицита зарядов крайне редко. В основном охотники предпочитали ставить различного рода ловушки. Для добывания – копыя (или «рогатинки», как они говорили). Одно из ружей имелось в семье Архипа, второе у другого пожилого охотника. Никогда на охоту не брались оба ружья разом. Слишком велика ценность каждого. Сами владельцы называли свои ружья «берданами», либо попросту – «ружжо». Услышав про «берданку» я заинтересовался и стал просить показать их мне.

Ружья довольно старые, но тщательный уход, смазка и бережное обращение сохранили их в приличном состоянии. Осмотрев и подержав в руках то, что получил от отца Митяя, я сразу понял, что никакие это не «берданки», то есть «пехотные винтовки системы Бердана № 2», а так называемые «фроловки». «Фроловка» – переделанная для охотничьих нужд трехлинейная винтовка системы Мосина. Производилась переделка следующим образом: устанавливался новый, без нарезов ствол, чаще 28 калибра (что было на обоих «ружжах» и в данном случае). Снимался магазин на пять патронов, отверстие в этом месте ложи маскировалось хорошо подогнанным деревянным вкладышем. Деревянное цевье поверх ствола снято полностью и значительно укорочено нижнее, в связи с чем отсутствует и шомпол (остатки от отвер-

стие под него так же закрыты деревянной пробочкой). Снят винтовочный прицел, замененный обычным «целиком» с прорезью. Соответственно на дульной стороне ствола установлена простейшая «мушка». Сверху, на ствольной коробке «берданки» Митяя имелась полустертая надпись «...имп...» и двуглавый имперский герб. Охотники использовали металлические гильзы, сами при этом лили пули и катали дробь из свинца. Снаряжали патроны, используя приобретаемый в результате редких обменов свинец и порох. Свинцовые пули и дробь, к тому же, аккуратно извлекались из тела жертв при её разделке, готовке и поедании, для чего в центр обеденного стола ставилась специальная мисочка, в которую каждый едок сбрасывал попадающиеся ему кусочки металла.

Как и когда попали эти ружья к староверам, они мне так и не открыли. Но учитывая, что «фроловки» массово переделывались из «мосинок» после гражданской, в конце двадцатых, тридцатые годы двадцатого века, можно было предположить и примерный период их появления у жителей скита. О способе же появления стоило лишь догадываться. Из нескольких, случайно промелькнувших в разговорах фраз, я заподозрил, что оба ружья – трофей, взятый во время последней войны староверов с лесовиками.

Вышли очень рано, за час до восхода солнца. Старший в группе – Архип. Кроме него мой приятель Митяй, его брат Егорша, один из бывших моих охранников Иван (Ваньша), оказавшийся вполне добродушным малым, да два незнакомых мне охотника – Осип и счастливый отец пары близнецов Тимошка. Все, кроме Архипа, молоды, лет до тридцати. Мы поднялись по склону, по которому несколько дней назад спускались к скиту. Вскоре вошли в лес, свернули направо и почти по прямой углубились в тайгу, двигаясь до тех пор, пока солнце не перевалило за полдень. Миновали несколько ручьев, переправились вброд через небольшую речку. То опускались вниз, в тесные распадки, то поднимались в горку и шли верхами, пока не оказались в густой смешанной тайге. Здесь разделились на две партии, каждая из которых принялась устанавливать ловушки в своем месте. Наша группа, состоявшая из Архипа, Дмитрия и меня, ладила ловушки на зайцев. Ловушки оказались весьма громоздки и сложны, давящего типа, называемые «пастёнками» за некоторое внешнее сходство. Для их сооружения пришлось поодаль свалить несколько нетолстых сосенок, обработать их нужным манером, включая замазывание хвоей с землей затесок от топора и уже в виде заготовок на руках перетащить к месту установки, стараясь как можно меньше наследить, в конце ступая по брошенным на земь хвойным лапам. После того, как очередная «пастёнка» была настрожена, спусковое устройство приведено в «боевое» положение мы с Митяем отходили в сторону, а Архип аккуратно устранял оставленные следы, собирая сосновые ветви и заметая ими напоследок. Я с интересом наблюдал за изготовлением ловушек. На мой взгляд, они были довольно примитивны и неуклюжи. Кроме того их изготовление требовало много времени, материалов и усилий. В конце концов, выпросив у подозрительного Архипа несколько шнуров, я в три четверти часа, с учетом выбора места, установил восемь простейших петель – силков (насколько хватило шнура). Седобородый и его сын пренебрежительно осмотрели изделия моих рук. Архип даже крикнул, что-бы не смеяться:

– Этошь чо, у вас такие забавки ставят?

– Ставят.

– И чо, кто иматся?

– Бывает.

– Только вервь хорошу споганил. – махнул он с досады рукой.

– Ладно, ладно, посмотрим. – примирительно молвил Митяй, но было ясно, что и он имеет в виду что то типа: «чем бы дитя не тешилось...».

К вечеру все собрались в условленном месте подалее от охотничьих участков. За приготовлением ужина на костре делились впечатлениями и мои сотоварищи не преминули рассказать друзьям о тех веревочках, в которые я собирался поймать кого либо. Все много смеялись

и подшучивали надо мной, делая предположения, кто же попадет в мои петельки. Правда смеялись не зло, а как над несмышленным дитятей, который не знает настоящей таёжной жизни. Я отшучивался, а сам молился про себя, прося всевышнего (или кто тут в тайге за главного?), что бы он послал в мои ловушки хоть одного захудалого зайца. Это уже дело принципа.

После ужина, перед сном, разговорились о разновидностях ловушек, которые применяют жители скита. Оказалось, что не так уж давно у них пользовались большой популярностью самоловы, состоящие из настороженных простейших луков и пары спусковых шнуров, натянутых с обеих сторон тропы на высоте груди предполагаемой жертвы. Эта снасть очень добычлива, особенно на крупную дичь. Но после нескольких несчастных случаев, особенно когда погиб сопровождавший на охоте отца подросток, Старец настрого запретил устанавливать самострелы. Охотники очень жалели, но запрет Старца блюли строго. Неукоснительное соблюдение установленных норм являлось для них само собой разумеющимся, основой благополучия общины. Никому даже не приходило в голову нарушить установленное на что либо табу, ибо верили, что принятый на совете стариков запрет всегда разумен и установлен ко всеобщему благу.

159

С утра двое из охотников, Иван и Осип, пошли осмотреться, тогда как оставшиеся занялись приготовлением завтрака и его поглощением. Не прошло и часа, как прибежали запыхавшиеся разведчики.

– Кабаны. Хвостов семь. – хриплой скороговоркой доложил Осип.

– Недалече. Не дале двух верст по ту сторону увала. – добавил Иван, весь лучась от предвкушения охоты.

– Давайте-ка поснедайте скоренько и двинемся. – велел Архип, глаза которого невольно так же засветились азартом.

Пока разведчики торопливо ели, все прочие, оживленно перекидываясь замечаниями, готовили снаряжение, состоящее из двух копий-рогатин, двух копий поменьше и одной «берданки». Мешки с продуктами и не нужным снаряжением развесили повыше на ветвях, идти предстояло налегке. Наконец всё готово и группа, направляемая Иваном и Осипом, выступила в путь. Шли около получаса, причем все осторожнее и осторожнее. Миновали пологий безлесый увал. К концу пути все, по знаку Осипа, через каждые полсотни шагов замирали и прислушивались. Наконец Дмитрий вскинул руку, призывая ко вниманию, а затем махнул куда то влево. Человека два-три радостно закивали головами. Убей меня, я, кроме легкого шороха ветвей на ветру, не слышал ни звука. Тем не менее все, с плохо скрываемым возбуждением, тихо, след в след, двинулись в указанном направлении. Вскоре и мне почудилось далекое похрюкивание и повизгивание. Впереди показалась кустистая опушка, за которой виднелся край обширной поляны. Едва дыша подкрадываемся к кустам, силясь разглядеть, что происходит по ту сторону ветвей. На полянке ковыряя землю клыками и разгребая её пяточками, кормились штук шесть взрослых кабанов и несколько поросят. Архип поднял руку, другой осторожно снимая со спины «бердану». Она загодя заряжена патроном с пулей и находится на предохранителе. Оглядевшись вокруг, все, не сговариваясь, распределились по левую и правую стороны от седобородого. А он, осторожно оттянув позади затвора металлический грибок и свернув его в центр, стараясь не шелкнуть, привел ружье в боевое состояние. Просунув ствол сквозь ветви куста, тщательно выцелил. Грохнул выстрел. От неожиданности я даже присел. На поляне одна из диких свиней замерла, а потом с удивленных взвизгом завалилась на бок. Прочие, на мгновенье остановившись, принялись недоуменно и взволнованно перехрюкиваться. Поросята испуганно кинулись к матерям. Матерый кабан в ярости закрутился на месте, выискивая откуда исходит опасность. Ничего не увидев, он подошел к упавшей свинье и

стал бегать вокруг неё, недовольно тыкая то в брюхо, то в спину пятаком, призывая встать. Но та мертва. Кабан опять подслеповато уставился на кусты на противоположной от нас стороне поляны, из-за которых ему почудился шум. Мы молча, затаившись, смотрели на происходящее. Архип медленно, маскируясь шумом листвы, перезарядил ружье. Наконец кабанье семейство, не дождавшись своего родственника, покинуло поляну. Секач по пути сердито отбегал то в одну сторону, то в другую, призывая неизвестного противника принять бой. Но признаков врага так и не обнаружил. Когда семейство наконец скрылось за опушкой, Митяй молча ушел, не выходя из лесу, в том же направлении. Все остальные расселись ждать его. Минут через пять он вернулся и сообщил:

– Ушли. Совсем.

После этого мы высыпали на поляну, оставаясь всё ж на стороже, и подошли к поверженной свинье. Это был довольно крупный молодой кабанчик. Тут же, не снимая шкуры, спустили в вырытую ямку кровь, перерезав жертве горло, ловко разделали на части, вырезали печень и другие лакомые куски, и нагруженные добычей двинулись к стоянке. На месте одни занялись упаковкой добычи в лубяные мешки, а другие отправились проверять каждый свои ловушки. Каково же было удивление моих наставников в охотничьем ремесле, когда в установленных мною силках были обнаружены куница, два глухаря и два замечательных жирных зайца которых я небрежно добивал резким ударом припасенной палки по носу. Лишь два силка оказались пусты, а один исчез, сорванный по-видимому попавшим туда слишком крупным для него животным. Отношение ко мне тут же поменялось и стало из презрительно-покровительственного вполне уважительным. Я был принят как равный в этом ремесле. Некоторые тут же изъявили желание брать у меня уроки. Своей природной сметкой эти полудикие люди мгновенно поняли всю выгоду для себя, таившуюся в моем искусстве. Лишь Архип досадливо морщился. Ему не по себе от того, что этот нелепый пришелец активно завоевывает сердца его соплеменников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.